
B 5/317

ИСТОРІЯ

ВЪ ЛИЦАХЪ

О

ДИМИТРІѢ САМОЗВАНЦѢ.

сочиненіе

М. Погодина.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

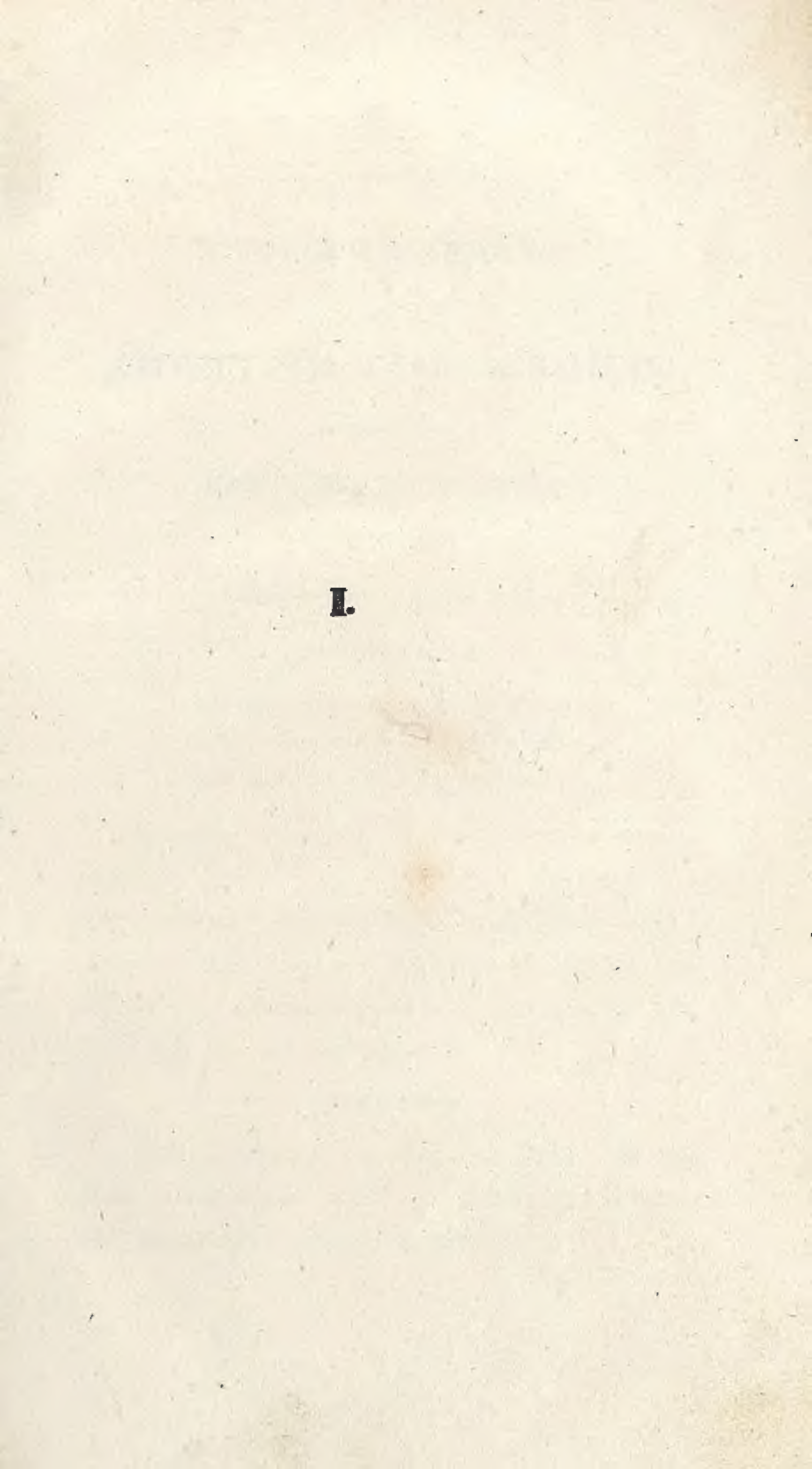
съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. С.-Петербургъ. Марта 14 дня, 1835 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

посвящается

А. С. Пушкину.

I.

ИСТОРІЯ ВЪ ЛИЦАХЪ
О
ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

ТРОННАЯ.

1605 года, Іюня 20.

САМОЗВАНЕЦЪ

(богато наряженный, входитъ стремительно изъ среднихъ дверей вмѣстѣ съ Басмановымъ).

И вотъ я здѣсь! — Уфъ! — (*смотритъ вокругъ*) Вотъ мой престолъ! мой вѣнецъ! мои палаты! мое царство! (*обѣгаетъ окна*) Это все мое, мое! — Здравствуй Петръ Ѳедоровичъ! (*обнимаетъ его*) Не ужели это все мое? Гдѣ я? Не во снѣ ли?

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ на яву, и это все твое. И дай Богъ, чтобъ оно долго, до конца твоей жизни, въ твоихъ рукахъ осталося.

САМОЗВАНЕЦЪ

(простоя съ минуту въ изумленіи).

Но какъ же все это случилось? — Скажи мнѣ, какъ это случилось? Я не помню, не знаю ничего. Я пьянъ, въ чаду. — Разскажи мнѣ, какъ все это случилось?

БАСМАНОВЪ.

Такъ видно угодно Богу.

САМОЗВАНЕЦЪ

(въ задумчивости начинаетъ говорить тихо, и постепенно возвышаетъ голосъ).

. . . . Казакъ . . . . Вишневецкой . . . Іезуиты . . . Марина . . . Король . . . войско. . . Царь всея Руси! *(выходя изъ задумчивости)* Стоило труда! Можно было не поспать ночку-другую, поголодать! Каковъ, братъ, я? — Захотѣлъ, и Царь! — Спасибо и тебѣ, Петръ Ѳедоровичъ! *(обнимаетъ его)* Но мнѣ тяжко въ этомъ золотомъ окладѣ! *(снимаетъ съ себя ожерелье и разваливается въ креслахъ)* А пріятно отдохнуть теперь, понѣжиться! . . . Гдѣ Ксенія? Покажите мнѣ скорѣй эту красавицу!

БАСМАНОВЪ.

Ты забылъ, что тебѣ надо принять еще Боярскую думу, получить дары, объявить милости, пожаловать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А — забылъ, забылъ! какая скука! — Нельзя ли послѣ?

БАСМАНОВЪ.

Что ты! Что ты! Весь Синклитъ тебя дожидается. Непремѣнно сей часъ. Такъ заведено у насъ. Что скажутъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Покрайней мѣрѣ дай духъ перевести.

БАСМАНОВЪ (*продолжая*).

Теперешнее время всего важнѣе. Нынче ты долженъ положить краеугольный камень своего владычества, утвердиться на престолѣ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Утвердиться! Ха ха ха! Что ты говоришь! Развѣ я не твердо сижу на немъ? — Если я бродяга, тѣнь, одинъ какъ перстъ, и голъ какъ соколъ, изъ за тридевяти земель, свалилъ съ него . . кого? Бориса . . ., такъ неужели не съумѣю удержаться съ вы-

цемъ на головѣ, когда ужъ въ Соборѣ признанъ торжественно Царемъ отъ всего народа, когда въ моихъ рукахъ все войско, вся казна.. нѣтъ, теперь не отнимутъ его у меня.

БАСМАНОВЪ.

Повѣрь — сохранять часто бываетъ труднѣе, чѣмъ пріобрѣтать. Поляки — вотъ то-то и есть. Я боюсь, чтобъ ты не слишкомъ сталъ ихъ жаловать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Будь спокоенъ — я люблю Поляковъ: это народъ живой, веселой; я радъ играть съ ними, потѣшаться, но не больше.

БАСМАНОВЪ.

И еще боюсь я Іезуитовъ. Христа ради будь отъ нихъ дальше: и такъ ужъ нынче..

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нынче . . чтожъ дѣлать! — Я это знаю самъ. Нельзя жъ мнѣ вдругъ отогнать ихъ прочь. По ихъ милости. Надо мазать пока по губамъ. Погоди. Все пойдетъ хорошо. Мнѣ нужна только мать. Она пріѣдетъ скоро. Она поцѣлуетъ меня раза два-три при всемъ народѣ, и я благовѣрной Государь Царь Димитрій

Іоанновичъ всея Руси на вѣки вѣковъ, и иду на Крымскаго Хана, и на Султана, и беру Царьградъ. О дай мнѣ срокъ! (*встаетъ*) Но я отдохнулъ! Теперь зови сюда Бояръ; поскорѣе кончить эту комедію, а потомъ ужъ . . .

БАСМАНОВЪ.

А не забылъ ли ты чего изъ моихъ наставленій! дай-ка я переспрошу тебя еще.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Перестань, надоѣлъ! все помню. — Ну ошибся ли я хоть въ одномъ словѣ передъ гробомъ вашего любезнаго Ивана Васильевича! Ха, ха, ха! я плакалъ въ самомъ дѣлѣ по немъ, какъ по отцѣ родномъ! Ну ступай, ступай!

(*Басмановъ уходитъ*).

САМОЗВАНЕЦЪ (*одинъ*).

А въ самомъ дѣлѣ это похоже на сказку. Я очнулся теперь, и хмѣль какъ будто выходитъ изъ моей головы. — Снилось ли моей матери? — И гдѣ начало всему?... Одно слово... спасибо. . .

(*Входятъ Рынды и прочіе придворные служители. Самозванецъ садится на престолъ, а съ другой стороны вступаютъ Бояре.*)

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Кланяемся тебѣ, Великому Государю нашему, Димитрію Іоанновичу, на всемъ Русскомъ Государствѣ, твоей отчинѣ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И поздравляемъ тебя возсѣдшаго на прародительскій престолъ съ честію и славою великою.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

И приносимъ тебѣ хлѣбъ-соль во знаменіе твоего благополучія, а нашего усердія, и желаемъ тебѣ много лѣтъ здравствовать.

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ.

И молимъ, чтобы Господь осѣнилъ тебя крылу своею, отженулъ отъ тебя всякаго врага и супостата и злаго обстоянія, и чтобъ ты царствовалъ надъ нами, рабами своими, въ долготу дней!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Благодарю васъ за ваше поздравленіе, ближніе мои Бояре, мои Сенаторы! — Да, на Бога моя надежда! Онъ мой заступникъ и покровитель. Онъ провелъ меня, младенца, чрезъ всѣ козни, цѣла и невредима, и спасъ изъ подъ ножа Борисова; онъ далъ мнѣ ра-

зумъ и силу, и, юноша сирый, безъ слугъ, безъ казны, съ одной своей невинностью и правдой, я пошелъ смѣло на могущаго врага, и гдѣ онъ, гдѣ клевреты его злобы?

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

О погибни память его, злодѣя, съ шумомъ и поруганіемъ!

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ.

Упади онъ извергъ роду Христіанскаго во тму кромѣшную, гдѣ же будетъ плачь, и вопль, и скрежетъ зубомъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Благодаримъ, благодаримъ тебя стократы за твое о насъ печалованіе, за наше благодатное освобожденіе.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Натерпѣлись мы всякаго горя подъ его злохитрымъ управленіемъ.

САМОЗВАНЕЦЪ *(смѣясь и перемѣняя тонъ)*

А мнѣ какъ управляться съ вами!

КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ угодно тебѣ, Великому нашему Государю!

САМОЗВАНЕЦЪ

Зачѣмъ вы такъ долго отъ этого Іуды ко мнѣ, законному своему Государю, не передавалися? Зачѣмъ не прислали ко мнѣ связаннаго, чтобъ я допросилъ его во всѣхъ умыслахъ и злодѣяніяхъ.

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ.

Стерегъ онъ насъ лютый песъ!

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Но мы молили Бога о ниспосланіи побѣды твоему оружію.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Только то?

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Виноваты, великій государь, и кладемъ предъ тобой повинныя свои головы.

(кланяется со всѣми Боярами)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Смотрите жъ — впередъ служите вѣрно, а не то я васъ. . . .

(Басмановъ даетъ знакъ неодобренія)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Теперь слушайте мои жалованія по случаю нашего воцаренія. Дядю моего страдальца Михаила Нагаго жалую я великимъ Коню-

шимъ, Князя Василья Голицына великимъ Дворецкимъ, Князя Михаила Скопина Шуйскаго великимъ Мечникомъ, дьяка Сутупова великимъ Секретаремъ (*Бояре шепчутъ между собою*) и Печатникомъ, Власьева Секретаремъ великимъ и Подскарбіемъ.

БОЯРЕ (*въ полголоса*).

Чѣмъ? чѣмъ?

САМОЗВАНЕЦЪ.

. . . и прочихъ въ семъ спискѣ поименованныхъ, жалую въ Бояре и Окольничіе и другіе чины. (*подаетъ списокъ Секретарю*)

БОЯРЕ.

Клянемся и славословимъ тебя за великія и неизрѣченныя твои милости на насъ, недостойныхъ рабовъ твоихъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Всѣмъ сановникамъ и войску жалованье вдвое, пошлины всякія уменьшаю.

БОЯРЕ.

Какія великія щедроты изливаешь ты, великій Государь!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я хочу, чтобъ народъ мой веселился и радовался. Полно ходить потупивъ глаза, по-

вѣсивъ голову. Смотрите, какъ живутъ Поляки, поютъ себѣ да пляшутъ. Вотъ у кого перенимайте. Мнѣ хочется чтобъ вы жили на ихъ образецъ. Теперь вы слишкомъ грубы и дики! со стороны смотрѣть на васъ смѣшно. Князь Шуйскій! Князь Мстиславскій! Вы не женаты. Злодѣй вѣрно запрещалъ вамъ. . .

(Князь Мстиславскій и Шуйскій молчатъ.)

САМОЗВАНЕЦЪ *(продолжая)*.

Я приказываю вамъ жениться. Мнѣ хочется поплясать на вашихъ свадьбахъ, (*Бояре кланяются*) чтобъ вы поплясали и на моей. Я женюсь. . .

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ.

Благое дѣло! не добро человѣку жити единому, кольми паче Царю. Итакъ ужъ настрадались мы отъ пресѣченія Царскаго корене.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Кого же Богъ указалъ тебѣ?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Дочь моего близкаго пріятеля и помощника, Воеводы Сендомирскаго Юрья Мнишка, Панну Марину. Аѳанасій Власьевъ! тебя назначаю я великимъ посломъ къ Польскому Ко-

ролю Сигизмунду для увѣренія въ нашей дружбѣ и благодарности, а вмѣстѣ и за будущею Русской Царицею. Панъ Бучинскій, мой тайный Секретарь, дастъ тебѣ наказъ. Надо послать имъ даровъ. Что есть у насъ въ казнѣ, въ кладовыхъ?

БОЯРИНЪ.

Есть и золото и серебро и жемчугъ. . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Послать пуда два жемчугу, золотыхъ вещей побольше. Но Бучинскій выберетъ самъ. Отдайте ему ключи отъ кладовыхъ. — Что тамъ за шумъ! — Я буду ждать съ нетерпѣніемъ твоего извѣстія, а еще болѣе возвращенія.

БОЯРИНЪ (*посмотрѣвъ въ дверь*).

Стольникъ не пускаетъ Поляковъ и Нѣмцевъ безъ доклада.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Это мои друзья. Для нихъ всегда отворена моя дверь. Впускать ихъ безъ доклада.

ПОЛЯКЪ (*къ Стольнику*).

Ну что — слышишь ли?

СТОЛЬНИКЪ.

Ну слышу, — теперь ходи хоть въ полночь, мнѣ что за дѣло.

САМОЗВАНЕЦЪ (*продолжая*).

Что, друзья мои, какъ нравится вамъ моя Москва.

ПОЛЯКЪ.

Хороша, хоть разумѣется не льзя ей сравниться съ Варшавой или Краковымъ.

ВТОРЫЙ.

Съ Варшавой и Краковымъ! Да наша Вильна лучше.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Благодарю васъ торжественно за всѣ услуги вами мнѣ оказанныя. Желаю, чтобъ мои подданные служили мнѣ такъ вѣрно, какъ вы. Вамъ выдадутъ жалованье тройное. Квартиры отведутъ лучшія въ городѣ. (*къ Боярамъ*) Господа! вамъ можно потѣсниться для дорогихъ гостей. (*къ Полякамъ*) Спрашивайте у меня всего, что вамъ угодно. Я постараюсь, чтобъ ваше пребываніе здѣсь заставило васъ забыть Варшавскія веселости.

ПОЛЯКЪ.

Возможно ли это!

ВТОРЫЙ.

На свѣтѣ нигдѣ не можетъ быть такого веселья, какъ у насъ.

ТРЕТІЙ.

Гдѣ есть такіе щедрые паны, такія прелестныя панны!

А наша мазурка!

САМОЗВАНЕЦЪ.

И мы начнемъ здѣсь балы, банкеты и маскерады. Я буду пріучать моихъ Бояръ къ веселой, открытой Польской жизни. Пора покидать Московское варварство. Скоро дождемся мы новыхъ гостей изъ Польши. (*Басмановъ подаетъ знакъ.*) (*Къ Нѣмцамъ*) А вамъ, что угодно почтенные Нѣмцы, которые сражались противъ меня съ такимъ ожесточеніемъ?

НѢМЕЦЪ.

Мы служили вѣрно Царю Борису за его жалованье. Теперь его нѣтъ. Мы будемъ служить тебѣ. Прими насъ въ твою службу и назначь приличное содержаніе.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Радъ, радъ такимъ слугамъ. Я уважаю васъ съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ

вами на полѣ сраженія. Я назначилъ вамъ подарки. Жалованье будете получать по прежнему, но въ тѣлохраненіи вашемъ не имѣю нужды. У меня есть подданные, которые ревнуютъ служить своему Государю.

НѢМЕЦЪ.

Гдѣ же имъ такъ охранить тебя, какъ намъ. Мы знаемъ ихъ. . .

(Бояре перемигиваются между собою какъ прежде.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не могу ихъ обидѣть, лишить этой чести. Но увидимъ. Если они не съумѣютъ заслужить ее, тогда обращусь съ просьбою къ вамъ мои герои! (*къ казакамъ*) А! молодцы! Вы потрудились, теперь пируй, гарцуй въ мою голову. Пейте, ѣшьте и веселитесь. Чего вамъ надо — деньгами, виномъ, хлѣбомъ, берите, чего душѣ угодно. Посылайте домой. Вы мои братья.

КАЗАКЪ.

Благодаримъ за ласку. Отъ веселья мы не прочь, особенно послѣ такого похода, лишь бы не долго.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не долго, будьте увѣрены, не долго. Скоро мы понесемся на борзыхъ коняхъ, по широкимъ полямъ, къ далекому морю. Здѣсь душно братцы?

(Басмановъ подводитъ Іезуитовъ).

ІЕЗУИТЪ.

Привѣтствуемъ и мы тебя, великій Государь, надежда Востока и Запада, съ достославнымъ окончаніемъ твоего предпріятія. Господь, предвидя въ тебѣ великаго ревнителя своему закону, даровалъ тебѣ побѣду. Мы, послѣдніе рабы его, радуемся, что наши теплыя молитвы услышаны и совѣты могли принести пользу.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я чувствую важность ихъ и готовъ на дѣлѣ изъявить мою благодарность.

ІЕЗУИТЪ.

Намъ ничего не надо: мы обрекли себя на службу Господу, и ищемъ только славы Ему, спасенія людямъ. Мы напомнимъ тебѣ лишь въ сей торжественной часъ объ обѣтахъ, произнесенныхъ тобою предъ престоломъ Вышняго въ . . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я помню, помню ихъ. — Но мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Теперь мнѣ некогда. Меня дожидается народъ.

IЕЗУИТЪ.

По крайней мѣрѣ опредѣли теперь храмину Господу, гдѣбъ мы могли начать славословіе Ему по нашему обряду, да огласится впервые сія омраченная . . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Вамъ отведутъ жилище подлѣ моего дворца, и вы можете служить тамъ.

БАСМАНОВЪ.

Великій Государь! народъ изъявляетъ нетерпѣніе, жаждя зрѣть твои Царскія очи и услышать изъ устъ твоихъ милость.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Вотъ видите! послѣ. (*оборачивается къ Боярамъ*) Повторяю вамъ мою благодарность, искреннюю и сердечную, любезные мои Бояре, за ваше усердіе, и прошу васъ къ себѣ на вечеръ откушать моего хлѣба-соли.

БОЯРЕ.

Благодаримъ тебя Великій Государь, что не покаралъ насъ по винамъ нашимъ, а паче взыскалъ своею милостію.

САМОЗВАНЕЦЪ

(встаетъ съ престола и отходитъ въ сосѣднюю комнату).

Сей-часъ я выйду къ вамъ въ сѣни, и оттуда вмѣстѣ явимся народу.

(выходятъ въ разныя стороны).

ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

ПЕРВЫЙ.

Что-то онъ долго къ намъ не показывается нашъ батюшка.

ВТОРЫЙ.

Ахъ Господи Боже мой! до какихъ чудесъ мы дожили.

ТРЕТІЙ.

Ничего не знали, ничего не слыхали — вдругъ явился намъ Царевичь, да откуда жъ! изъ Литвы.

КУПЕЦЪ *(проходя мимо толпы въ другую сторону).*

Про то и мы мекаемъ, что все это больно чудно.

ПЕРВЫЙ.

Господь-то какъ милосердъ! чрезъ столько лѣтъ, чрезъ столько бѣдъ, привелъ таки

его на свою родину, досталъ все доброе до синя-пороха.

ТРЕТІЙ.

А на мои глаза, кажется, онъ не похожъ на родителя, на Царя Ивана Васильевича. Какъ вы ребята?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

До лица-то что намъ за дѣло. Вотъ какъ-то будетъ царствовать. Ну какъ въ батюшку - ау!

ВТОРЫЙ.

Такъ что же такое? Перешибетъ тебя что ли? Эка нѣженка. Какой хочешь, такой и будетъ. Вѣдь онъ законный и прироженный.

ТРЕТІЙ.

А какъ, братцы, онъ да не онъ?

ПЕРВЫЙ.

Что ты? перекрестись. Бояре знаютъ хуже нашего что ли? Вѣдь они привели его.

ТРЕТІЙ.

Бояре! а купцы говорятъ другое.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Досталось знать имъ, алтынникамъ, какже?!

ВТОРЫЙ.

Какой вихорь поднялся во время поѣзда. Свѣта Божьяго не взвидѣли. Погода была, кажется, такая тихая, а вдругъ какъ поднимется, какъ закрутитъ, тида съ ногъ сшибло; пыль столбомъ и глаза слиплись.

ПЕРВЫЙ.

Кони-то насилу пропирали впередъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Старые люди говорятъ, что это не къ добру.

ТРЕТІЙ.

А это къ добру, что онъ сталъ пѣть молебенъ у Спасскихъ воротъ, а Литовскіе трубачи играли на трубахъ и бубнахъ.

ВТОРЫЙ.

Ой ли? Я не видалъ.

ТРЕТІЙ.

А я видѣлъ.

ПЕРВЫЙ.

Таки во время самаго молебна?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Да, да, это правда, не переставали.

ПЕРВЫЙ.

Ахъ, батюшка Дмитрій Ивановичь, что ты надъ собою и надъ нашими головами дѣлаешь?

ТРЕТІЙ.

А это къ добру, что онъ въ Соборъ, а погань за нимъ, Поляки, Венгерцы и всякіе бусурмане.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Что ты? что ты? не уже ли вправду.

ТРЕТІЙ.

Нѣтъ неправда! Обманывать станутъ! Чай самъ видѣлъ?

ВТОРЫЙ.

Ужъ не облатынился ли онъ въ Литвѣ? Господи помилуй насъ грѣшныхъ!

ПЯТЫЙ.

Что вы слушаете его — экой воронъ каркаетъ: „а это къ добру? а это къ добру?“ Ну не къ добру. Тебѣ что за дѣло? Али ты Годуновской холопъ?

ТРЕТІЙ.

Врется тебѣ — я не холопъ, а торговый человѣкъ. У меня есть лавочка на Неглинной. Мы говоримъ, что видѣли.

ПЯТЫЙ.

А мы развѣ не видали?

ТРЕТІЙ.

Ну такъ чтожъ, что видѣли. (*Оборачивается къ прочимъ*) Мы еще и не то слышали, да разсказывать не хотимъ. Мы часто бываемъ на дворѣ у Князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, и къ Князь Василью Ивановичу не урѣжаемъ, и слышимъ, что не всякому слышать приходится.

ПЯТЫЙ.

Эка знать какая.

ВТОРЫЙ.

Такъ Князь Василій Ивановичь знаетъ тебя и съ тобою разговариваетъ?

ТРЕТІЙ.

Онъ прохаживалъ мимо меня часто, случалось, и. . .

ПЯТЫЙ.

Да вотъ онъ теперь мимо всего народа прошелъ, и еще пройдетъ. Экой знакомецъ! Не родня ли? Онъ братъ и мнѣ родной: на одномъ солнышкѣ онучки сушили.

ТРЕТІЙ.

Послушайте, братцы, что онъ ко мнѣ пристаетъ, я его не трогаю. Вотъ все разскажу — закажешь что ли? (*къ прочимъ*) Истопникъ его мнѣ братъ молочный. Онъ сказывалъ, что Князь Василій Ивановичь, когда воротился изъ Тулы, куда ѣздилъ на поклонъ Царю, такъ. . . . .

ПЕРВЫЙ.

Ребята! Ребята! смотрите — посыпали Бояре изъ Грановитой палаты.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Батюшки мои! батюшки мои! ахъ какіе они золотые, серебряные, бархатные, парчевые.

ВТОРЫЙ.

Идутъ-то какъ тихо. Ужъ вотъ боярская поступь. Какъ по водѣ плывутъ.

ПЕРВЫЙ.

А воды не замутятъ. Поляки-то, Поляки-то между ними продираются! эки озарники. Сердце беретъ. Такъ бы и вскочилъ на лѣстницу, да и ну метать ихъ на всѣ стороны.

ПЯТЫЙ.

Что то будетъ намъ отъ Дмитрія Ивановича, Семка? Не выйдетъ ли подачки какой? Кабы денегъ по лукошечку на брата.

КУПЕЦЪ.

Держи полы.

ПЕРВЫЙ.

Да скоро ли конецъ — никакъ перемежились.

ВТОРЫЙ.

Вотъ онъ! вотъ онъ!

ОБЩІЙ КРИКЪ.

Многая лѣта Царю нашему, Дмитрію Ивановичу! многая лѣта!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Тише, ребята! тише! Петръ Өедоровичь рукой машетъ. Знать Царь говорить хочетъ.

ТРЕТІЙ.

Когда Цари сами говаривали!

Тишина.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Еще здравствуйте люди православные! Спасибо, спасибо вамъ за ваше усердіе. Дождались ли вы своего законнаго Государя. Богъ

сжалился надъ вами, избавилъ васъ изъ неволи, отъ стыда и позора, изъ когтей окаяннаго цареубійцы. Поздравляю васъ, поздравляю.

НАРОДЪ.

Многая лѣта, великому Государю нашему Дмитрію Ивановичу! многая лѣта!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Васъ разорилъ холопъ этотъ всякими работами и поборами. Волку ли заботиться объ овцахъ? Я васъ обогащу. Всѣхъ податей и налоговъ складываю по половинѣ. А послѣ и совсѣмъ ничего не будете платить. Всѣ недоимки прощаю. Изъ темницъ и остроговъ, кто гдѣ по навѣтамъ сидитъ какимъ, освобождаю. Кто чѣмъ обиженъ будетъ отъ слугъ моихъ, отъ дьяковъ, — о эти дьяки тяжелы вамъ достаются, я знаю, но я съ ними управлюсь, къ лошадинымъ хвостамъ буду привязывать, (*народъ смѣется*) приходите жаловаться прямо ко мнѣ. Вы мои дѣти, а я вамъ отецъ. Всякую среду и субботу я буду принимать челобитныя здѣсь на красномъ крыльцѣ. Теперь прощайте. Я поѣду осматривать мою любезную столицу. Эй коня! (*къ Полякамъ*) Друзья! вы со мною!

НАРОДЪ.

Многая лѣта Царю нашему Дмитрію Ивановичу! многая лѣта!

(Между тѣмъ Самозванецъ отталкиваетъ Бояръ, которые хотѣли было посадить его, вскакиваетъ самъ на лошадь, поворачиваетъ и скачетъ. Нѣсколько Поляковъ за нимъ, одна толпа бѣжитъ вслѣдъ за нимъ, другая остается).

ПЕРВЫЙ.

Эка рѣчь. Ну ужъ молодецъ. На рѣдкость.

ВТОРЫЙ.

Такъ и сыплетъ, не остановится.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А дьяковъ-то, дьяковъ-то какъ пригрозилъ! Давно бы ихъ.

ПЯТЫЙ.

Что-то будетъ, а посулы хорошіе.

ТРЕТІЙ.

Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки.

ПЕРВЫЙ.

Ребята! ребята! Смотрите это вѣдь онъ скачетъ по берегу. Одинъ одинехонекъ. Всѣ отстали. Удалецъ!

ПЯТЫЙ.

Какъ онъ на коня-то вскочилъ! Братца его Ѳеодора Ивановича на коня-то бывало на силу два боярина усадятъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А знаете ли что — побѣжимъ къ нему на встрѣчу изъ Спасскихъ воротъ.

ВТОРОЙ.

И то!

(Убѣгаютъ)

КУПЦЫ *(расходясь)*.

И хорошаго много! и дурнаго много.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, не царская ухватка у него!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

И рѣчь-то какая дерзкая.

ТРЕТІЙ.

Да больно востеръ онъ, черезъ чуръ.

ВТОРЫЙ *(къ третьему)*.

Посмотримъ, что Богъ дастъ впередъ.

ПЕРВЫЙ.

Сходимъ-ка къ Князю Василью Ивановичу. Не скажетъ ли онъ чего.

ТРЕТІЙ.

Пожалуй.

ВТОРЫЙ.

А послѣ вы намъ разскажете, что узнаете.

ПЕРВЫЙ.

Ладно.

ВТОРОЙ (*къ четвертому*).

Мы — знаешь ли что: зайдемъ въ Чудовъ къ отцу Геннадію.

ВЪ ДОМѢ КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКАГО.

Бояре.

ПЕРВЫЙ.

Что нейдешь такъ долго Князь Василій Ивановичь?

ВТОРЫЙ.

Да, вѣдь мы, почитай, вмѣстѣ вышли изъ палатъ.

ТРЕТІЙ.

Не остановился ли онъ въ народѣ?

ПЕРВЫЙ.

Охъ голова! все около народа.

ВТОРЫЙ.

А вотъ и онъ. Батюшки мои! какой веселый!

(*Входитъ Князь Василій Ивановичь Шуйскій*).

ВТОРЫЙ.

Али что хорошее, доброе случилось?

К. ВАСИЛИЙ ШУЙСКІЙ.

Все хорошо, все добро. Лучше не надо.

(Смѣется).

ПЕРВЫЙ.

Что ты? неуже ли? что же такое?

ВТОРЫЙ.

Чему ты обрадовался? чему смѣешься?

ПЕРВЫЙ.

Какъ показалъ себя новый нашъ?..

К. ВАСИЛИЙ ШУЙСКІЙ.

Каковъ есть, такимъ и показалъ себя.

ТРЕТІЙ.

Ну то-то же. А ты говорилъ-все хорошо. Мы было испугались.

ВТОРЫЙ.

Думали и въ самомъ дѣлѣ такъ.

К. ВАСИЛИЙ ШУЙСКІЙ.

(посмотря на нихъ минуту молча).

Дураки вы, дураки! да то и хорошо, что дурно — развѣ лучше бы было, еслибъ было лучше?

ПЕРВЫЙ.

Богъ съ тобою! что ты говоришь? Мы не понимаемъ.

ТРЕТІЙ.

Что говорилъ онъ съ Боярами? Я не слыхалъ того.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А вотъ идутъ ко мнѣ Князь Ѳедоръ Ивановичь и Князь Андрей Григорьевичь, — я звалъ ихъ всѣхъ сюда. Теперь можно. Лазутчиковъ еще нѣту. Послушаемъ что скажутъ умные люди, покачивая своими большими головами, потряхивая своими длинными бородами.

ВТОРЫЙ.

Экъ развеселился!

(Входятъ Бояре)

К. ШУЙСКІЙ.

Подавайте вина! малвазіи! романеи; пива мартовскаго! эй ключникъ! дворецкой? меду!

ПЕРВЫЙ *(изъ пришедшихъ)*.

Что за радость? что за веселье? Князь Василій Ивановичь! что съ тобою?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Радость у меня, веселье у меня, у васъ, у всѣхъ. Пиръ на весь міръ. Хочу поздравить васъ съ новымъ Царемъ. Многая лѣта ему! хочу поздравить васъ съ великимъ мечникомъ,

съ великимъ крайчимъ, какіе-бишь есть еще великіе-то. . . .

ВТОРЫЙ.

Что ты, помилуй! скажи Бога ради, что съ тобою сдѣлалось?

(между тѣмъ слуги приносятъ вино и чары.)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ *(продолжая.)*

Хочу поздравить васъ съ новой Царицей, Пашой, Пашой. . . . Дай Богъ память, Панной Мариной Мнишекъ. . . .

(отпустивъ слугъ начинаетъ разливать.)

ТРЕТІЙ.

Мнишекъ! что же это — монашенка что ли она?

ПЕРВЫЙ.

Развѣ на монашенкѣ можно жениться?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Чего нельзя — міряниңъ ли, монахъ ли, — мнихъ ли, или Мнишекъ — все равно.

(Начинаетъ обносить.)

ВТОРЫЙ.

Да ты совсѣмъ вздурился. Мы въ горѣ шли къ тебѣ какъ шальные, а ты насъ на такой смѣхъ подымаешь.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Въ горѣ! въ какомъ горѣ! намъ ли горевать! что вы! съ нашимъ батюшкой молодымъ Царемъ. Чуръ сего мѣста. Да мы теперь только жить начинаемъ. (*обноситъ въ другой разъ. Болринъ беретъ чару.*) Нѣтъ, бери-ка вотъ эту, брашиночку, на здоровье! на здоровье! я самъ теперь осушу другую, третью. Помолодѣть надо къ свадьбѣ.

ТРЕТІЙ.

Да перестань, Христа ради, я ей Богу на свѣтъ не смотрѣлъ бы. Какъ тебѣ блажь такая на умъ идетъ; не понимаю.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

(*посмотрѣвъ на всѣхъ молча.*)

Ахъ! батюшки мои! вы въ самомъ дѣлѣ носы повѣсили. А я сначала, признаться, не разглядѣлъ путемъ. Ну что же у васъ?

(*Всѣ молчатъ.*)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ (*продолжая.*)

Неужели соколъ не полюбился?

ПЕРВЫЙ (*черезъ минуту.*)

Да такъ не полюбился, что на него смотрѣть было тошно.

ВТОРЫЙ.

Я, кажется, лучше бы провалился въ землю.

ТРЕТІЙ.

Откуда такой пострѣлъ поспѣлъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вотъ тебѣ разъ! такой милостивый, такой щедрый, такой веселый! Рожна что ли вы хотите, братцы! усовѣститесь!

ПЕРВЫЙ.

Эхъ, полно, Василій Ивановичь, право горько и безъ тебя.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вѣдь сами вы его хотѣли.

ПЕРВЫЙ.

Сами! хмъ! вѣстимо. Да кто же думалъ, что онъ такой шатунъ будетъ. Хотя бы немножко повзрачнѣе.

ВТОРЫЙ.

Ну какъ съ нимъ жить-то намъ придется.

ТРЕТІЙ.

Онъ животы-то наши всѣ разстрясетъ. Казны не станетъ на годъ.

ПЕРВЫЙ.

Легко ли какое жалованье Полякамъ и Нѣмцамъ!

ВТОРЫЙ.

А тестю-то сколько посылаетъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Матъ головѣ и только.

(молчаніе)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Поживите, потерпите. — Да что еще это за терпѣніе! У насъ теперь пойдутъ пиры за пирами, свадьбы за свадьбами. Бери всякой, хоть по двѣ, хоть по три жены. А что, Аксинья Борисовна жена что ли ему, али нѣтъ еще? (*смѣется*) Готовьте и вы, Бояре, дочерей ему подъ вѣнецъ. У кого на возрастѣ?

ПЕРВЫЙ.

Ахъ онъ злодѣй, еретикъ!

ВТОРЫЙ.

Искалъ ей въ чужихъ краяхъ жениха Борисъ Ѳедоровичь. Вотъ какому псу досталась дочка его любимая!

ТРЕТІЙ.

Во дворцѣ-то гамъ какой, стыдно стоять.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Бывало прежде муха не пролетитъ.

ВТОРЫЙ.

А какъ онъ подозвалъ Князя Өедора Григорьевича поправить ему ногу на скамейкѣ. Ну ужъ петля!

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Этого что-то я не замѣтилъ. А что Князь Өедоръ Григорьевичъ? Подошелъ, поправилъ? Для упокоя что ли это?

ТРЕТІЙ.

Видно такъ; хорошо, что Поляковъ не было тогда въ палатѣ.

ВТОРЫЙ.

Ну какъ онъ станетъ позорить насъ такъ передъ ними?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ (*усмѣхаясь*).

Нѣтъ — остережется. А нагрянетъ ихъ много съ Царицей, съ Панной, — однихъ братьевъ чай сколько, ну дядей, племянниковъ.

ПЕРВЫЙ.

Мало ли тутъ найдется всякихъ прихвостней.

ТРЕТІЙ.

Пропали наши головушки! (*молчаніе*) Но кто же это такое братцы?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Кто! Дмитрій Ивановичь, сынъ Царя Ивана Васильевича!

ВТОРЫЙ.

Что говоришь пустое. Мы не шутимъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Такъ разстрига Гришка Отрепьевъ.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ и не разстрига. Борисъ Черкаской того помнитъ. И многіе тоже говорятъ.

ВТОРЫЙ.

И не Царевичь, и не растрига, — кто же это такой?

ТРЕТІЙ.

Вѣдь это обморокъ, братцы, воля ваша.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Истинно такъ, больше и быть некому.

ПЕРВЫЙ.

Какъ вспомнишь — экое чудо! Откуда ни взялся, назвалъ себя Царевичемъ, и все поддалось, и все поддалось.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Такъ видите. Ну какъ же тутъ быть безъ бѣсовскаго наважденія. Глаза у народа были отведены.

ВТОРЫЙ.

Князь Василій Ивановичь! Ты всему дѣлу конъ: скажи намъ, какъ ты думаешь?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Нѣкогда. Мнѣ надо невѣсту искать.

ВТОРЫЙ.

Нѣтъ, не шути.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Право такъ. Да думайте сами. Я ужъ на своемъ вѣку передумалъ много, посѣдѣлъ. Пора отдохнуть, повеселиться.

ВТОРЫЙ.

Неужели онъ царствовать надъ нами будетъ?

ТРЕТІЙ.

Неужели мы Полякамъ кланяться станемъ?

ПЯТЫЙ.

Что же намъ дѣлать Ѳедоръ Ивановичь?

К. МСТИСЛАВСКІЙ.

Я ума приложить не могу.

ВТОРЫЙ.

А ты какъ думаешь Дмитрій Семеновичь?

ПЕРВЫЙ.

Ей Богу не знаю, — Григорій Ивановичь?

ТРЕТІЙ.

И я совсѣмъ одурѣлъ. Эка притча. Поставили себѣ Царя, да и не знаемъ что дѣлать съ нимъ. Дмитрій Петровичь! не скажешь ли чего намъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ни въ зубъ толкнуть братцы. Хоть зарѣжьте! Василій Ивановичь! скажи сдѣлай милость!

Князь Василій Шуйскій смѣется.

КНЯЗЬ СИЦКІЙ

(подбѣгаетъ къ нему и хватаетъ за воротъ.)

Скажи, сватъ, задушу. Вѣрно у тебя есть что нибудь на умѣ. Не морочь. Не станешь веселиться ты такъ безъ толку. Я знаю тебя, ну — говори.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ахъ, батюшки мои, задушилъ! отстань окаянный, что ты въ самомъ дѣлѣ. (*хочетъ вырваться отъ него*) Ну что мнѣ говорить.

Мальчикъ что ли я думашь за васъ, да говоришь!

К. СИЦКІЙ.

Полно пустяки околачивашь. Говори, задушу.

(трясетъ его)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да отстанешь ли отъ меня, провалъ тебя возьми. Пусти душу на покаяніе.

К. СИЦКІЙ.

Скажешь?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Скажу, скажу.

К. СИЦКІЙ.

Смотри же.

(пускаетъ, и всѣ смѣются)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Выпьемте же братцы по сулеечкѣ коли такъ (*всѣ пьютъ и окружаютъ его*). Чего вы испугались? этому шуту головы не сносить долго.

НѢКОТОРЫЕ.

Какъ такъ!

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А вотъ какъ: нынче первый день, а ужъ сколько онъ накуралесилъ. Во время молебна пѣли гуслисты, въ церковь вошелъ съ Поляками, Римскимъ попамъ позволилъ пѣть обѣдни — а съ нами какъ говорилъ? Нѣтъ, нѣтъ, да и испортитъ. Вѣдь это народъ все провѣдаетъ. Петрушка Басмановъ его учитъ. Это видно. Да много онъ дѣлаетъ и самодуромъ. На всякой часъ не научится. Пріѣдутъ Поляки. Это народъ шальной. Начнутъ заводить ссоры, всѣмъ опротивѣютъ, — а тамъ ужъ и дѣлай съ нимъ что хочешь.

ПЕРВЫЙ.

Это похоже на правду.

ВТОРЫЙ.

Такъ, точно такъ. — А теперь-то чтожъ намъ дѣлать?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Теперь ничего не дѣлать. Кому велитъ жениться — женись. Кому велитъ развестись — разводись. . . .

ТРЕТІЙ.

Ну да какъ онъ велитъ. . . .

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Разбирай ужь какъ хочешь.— А подъ рукою мы станемъ всѣ разглашать, что это воръ, обманщикъ, ерешикъ, не сынъ Царя Ивана Васильевича, чернокнижникъ.

ПЕРВЫЙ.

Но какъ же, скажутъ, вы говорили намъ прежде сами, что сынъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну-прежде не знали, а теперь узнали. Мало ли что сказать можно. Богъ такое затмѣніе наслалъ и глаза всѣмъ ослѣпилъ, хотя на примѣръ для наказанья чьего. . . а теперь открываетъ.

ПЕРВЫЙ.

Богъ милосердъ: не до конца прогнѣвается ниже во вѣкъ враждуетъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Поляки, Папа Римскій, подослали его къ намъ для погибели и прочая такое, а онъ своими дѣлами будетъ подтверждать наши слова. Вотъ такъ и подготовимъ народъ къ тому времени, когда намъ пора приспѣетъ начать дѣло.

ВТОРЫЙ.

Истинно такъ. И самъ я теперь это вижу.

ТРЕТІЙ.

И тѣмъ еще это хорошо, что здѣсь опасности нѣтъ для насъ никакой.

ПЕРВЫЙ.

Исполатъ тебѣ, Князь Василій Ивановичь! утѣшилъ ты насъ и надоумилъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вотъ то-то же! (*къ первымъ*) Такъ стало быть хорошо, что дурно.

ПЕРВЫЙ.

Хорошо, что дурно: нынче все на выворотъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Такъ выпьемте по братиночкѣ, чтобъ еще стало хуже.

ПЕРВЫЙ.

А отъ того будетъ лучше! ну теперь понимаю.

(*берутъ чары*)

МНОГІЕ.

Такъ ужъ видно выпить намъ приходится за здоровье Князя Василья Ивановича.

ДРУГІЕ.

Такъ, такъ за него! многія лѣта.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А Дмитрію Ивановичу, или Гришкѣ Отрепьеву, или Поляку безмозглому, кто бы онъ ни былъ, хошь самъ сатана — провалиться бы сквозь землю!

ВСѢ.

Провалиться сквозь землю!

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Еще по сулеечкѣ на дорогу. А намъ всѣмъ православнымъ Христіанамъ доброе здоровье, красные денечки!

ВСѢ.

Доброе здоровье! красные денечьки! прощайте! прощайте!

(расходятся)

II.

Чрезъ мѣсяцъ, 18 Іюля 1605 года.

ШАТЕРЪ ЦАРИЦЫ МАРѲЫ ВЪ СЕЛѢ ТАЙНИНСКОМЪ.

МАРѲА И ЕЯ БРАТЬЯ

(сидятъ въ молчаніи одаль другъ отъ друга).

ГРИГОРІЙ НАГОЙ.

Согласись, сестрица, согласись! молимъ мы тебя!

МИХАИЛЪ НАГОЙ.

Послушайся своихъ родныхъ, сдѣлай намъ такую божескую милость.

МАРѲА.

Родимые мои! рада бы я для васъ, кажется, хоть въ петлю лѣзть, или хоть въ огонь броситься, а какъ помочь вамъ теперь, сй Богу не вѣдаю.

МИХАИЛЪ.

Только назови его своимъ сыномъ, при всемъ народѣ, — вотъ и все тутъ.

ГРИГОРІЙ.

Приласкай его, сдѣлайся ему настоящей матерью, хоть только на нынѣшній день.

МАРѲА.

Батюшки мои! какъ мнѣ сдѣлаться ему матерью, коли не я родила его. — Ахъ я побѣдная! (*заливается слезами*). О Господи! хоть бы ты прибралъ меня скорѣе со бѣла свѣта! грѣхъ какой!

ГРИГОРІЙ.

Сестрица! разсуди — развѣ мы дѣлаемъ это по волѣ. Богъ видитъ, въ какой мы нуждѣ.

МИХАИЛЪ.

Али ты спасаться хочешь. Эка праведница пріѣхала съ Бѣла-озера.

МАРѲА.

Всклѣпать на себя такую напраслину! обмануть всѣхъ православныхъ!

ГРИГОРІЙ.

Народъ вѣритъ ему и теперь, войско подавно, изъ Бояръ многіе. Ужъ на-что Князь Василій Ивановичъ, — и тотъ ѣздилъ въ Тулу. Да еслибъ не вѣрили, такъ не бывать бы ему

на престолъ. Ты не прибавишь никакой вѣры, а ему такъ захотѣлось, какъ будто закрѣпиться покрѣпче. Отъ чего жъ намъ его не потѣшить?

МАРѲА.

А я-то куда угожу съ вашею потѣхою на томъ свѣтѣ. Мнѣ ужъ мерещутся черти, какъ они вырываютъ мой языкъ раскаленными клещами, какъ сажаютъ меня въ котелъ съ кипяткомъ... братцы любезные! пожалѣйте обо мнѣ! что вамъ я сдѣлала?

ГРИГОРІЙ.

Полно, успокойся, вслушайся хорошенько, что я скажу тебѣ. Вѣдь ты будешь Царицею, матерью живаго Царя, которой на тебя не-надохнешъ! Суди, въ какой ты будешь чести и богатствѣ...

МИХАИЛЪ.

Тебѣ еще сорока лѣтъ нѣтъ. Можно повеселиться за прежнія страданья.

ГРИГОРІЙ.

Ты ублаготворишь весь свой родъ. Меня ужъ сдѣлалъ онъ Бояриномъ, а братца вели

кимъ Конюшимъ. Если онъ увидитъ отъ тебя покорность, онъ осыплетъ всѣхъ Нагихъ серебромъ и золотомъ. А своею грубостію ты погубишь насъ. . .

МИХАИЛЪ.

И пойдемъ мы за поместъ, какъ было при Ѳедорѣ Ивановичѣ, до Годунова.

(Марѳа молчитъ. Григорій даетъ знакъ тихонько брату и оба подходятъ къ ней).

Сестрица! родная! согласись! сестрица! согласись!

МАРѲА

(падая имъ въ ноги.)

Родные мои! что хотите дѣлайте надо мной, — не могу, — боюсь, ей Богу, боюсь. Уста мои не растворятся, языкъ не поворотится.

МИХАИЛЪ.

Ну такъ пеняй на себя! не хотѣла себѣ добра, такъ издыхай въ тюрмѣ.

ГРИГОРІЙ *(испуганный)*

Полно братецъ! она еще подумаетъ.

МИХАИЛЪ.

Выдумаетъ она черную немочь, дожидайся! мнѣ ужъ надоѣло.

Слышны восклицанія: Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ!

(Нагіе останавливаются въ изумленіи.)

МАРѲА.

Владычица! погибаю.

ГРИГОРІЙ *(къ брату)*.

Намъ оставаться здѣсь неловко. Выйдемъ. *(уходя)* Сестрица! поминаючи нашихъ родителей. Ублаготвори насъ.

МИХАИЛЪ.

Оставь ее змѣю.

(Уходятъ. Съ другой стороны показывается Самозванецъ и останавливается на минуту при входѣ. Марѳа смотритъ на него въ недоумѣніи.)

САМОЗВАНЕЦЪ *(подходя къ ней)*.

Намъ мудрено говорить другъ съ другомъ. — Кто я, откуда я, какъ я, — до этого нѣтъ дѣла. Довольно — я Царь. Богъ избралъ меня орудіемъ наказать Годунова, похитившаго Царской престолъ; Богъ далъ меня

сыномъ тебѣ, наградить тебя за твои страданія. Всѣ вѣрятъ мнѣ. Чтобъ утвердить ихъ еще больше въ этой вѣрѣ, необходимой для общаго спокойствія, чтобъ отвратить возможное кроворазлитіе, мнѣ нужно имѣть твое свидѣтельство. Я пріѣхалъ за тѣмъ и за тобою.

(Мароа молчитъ)

САМОЗВАНЕЦЪ.

А! ты думаешь еще!

Если ты сей часъ не поклянешься мнѣ исполнить всѣ мои приказанія, если сей часъ, держа меня въ своихъ объятіяхъ, и осыпая поцѣлуями, не поѣдешь со мною въ Москву такъ . . . такъ . . . я то надъ тобою сдѣлаю . . . но ты увидишь сама. (*приступивъ къ ней ближе*) Выбирай! Царица ты, или . . .

(Въ дверяхъ показывается Басмановъ. Въ ту минуту Мароа бросается на шею къ Самозванцу, восклицая:)

Сынъ мой! сынъ мой!

(Басмановъ уходитъ)

Владычица не накажи меня по грѣхамъ моимъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Пойдемъ же теперь къ народу.

(Выходятъ. Съ другой стороны показываются Нагіе и проходятъ по шатру вслѣдъ за ними).

МИХАИЛЪ.

Ага! испугалась! пошли теперь Нагіе въ честь!

ГРИГОРІЙ.

Слава Богу! слава Богу!

За шатромъ слышны клики: Многая лѣта благовѣрному Царю нашему Дмитрію Ивановичу! Многая лѣта благовѣрной Царицѣ Маѳѣ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

ІЕЗУИТЫ.

ПЕРВЫЙ.

Мы дождемся его здѣсь непремѣнно. Слава Богу! Теперь нѣтъ Басманова, который такъ тщательно старается недопускать насъ. Мы приступимъ . . .

ВТОРЫЙ.

Гдѣ мы отецъ святый? въ палатахъ Московскихъ Царей, куда доселѣ не проникалъ

еще ни одинъ исповѣдникъ Западной церкви. Въ Кремлѣ славословится нами Господь на Латинскомъ языкѣ, и чего напрасно желали великіе пастыри церкви, Григорій, Иннокентій, Бонифатій, того сподобилъ Богъ грѣшныхъ рабовъ своихъ, Ивана Черникавскаго и Андрея Лавицкаго.

ПЕРВЫЙ.

Стократъ были бъ мы счастливы, еслибъ совершенно успѣли достигнуть благой нашей цѣли!

ВТОРЫЙ.

Какъ возрадуется духъ великаго нашего родоначальника Игнатія и всей святой братіи, иже о немъ! Какая слава ожидаетъ насъ въ лѣтописяхъ нашего ордена, у престола Господня! Италіанскіе Іезуиты утвердили инквизицію, Французскіе озарили небо свѣтомъ Варѳоломеевской ночи, но что сдѣлали Польскіе Іезуиты, то нейдетъ въ сравненіе съ ними. Польскіе Іезуиты усѣкли при самомъ коренѣ ту великую схизму, которая раздѣляла церковь со времени Папы Николая, привели безчисленное множество заблудшихъ народовъ, обитающихъ на неизмѣримомъ пространствѣ

отъ океана Ледовитаго до Понта Эвксинскаго и горъ Рифейскихъ, къ источнику спасенія; но Польскіе Іезуиты. . . и первое мѣсто между ними принадлежитъ. . . о дьяволъ! куда ты увлекъ грѣшную мечту мою! Господи! прости мои великія прегрѣшенія!

ПЕРВЫЙ.

Да, да! на всякъ часъ должно остерегаться намъ, да не упадемъ въ сѣти лютаго врага роду человѣческому: чѣмъ дальше мнится намъ быти отъ него, тѣмъ легче обольщаетъ онъ насъ, и одною суетною мыслею обращается въ прахъ много добрыхъ подвиговъ. Для сего всегда лучше дѣлателю разсуждать о трудностяхъ, кои въ настоящую минуту предстоятъ ему, чѣмъ увлекаться воображеніемъ за отдаленную цѣль. Такъ училъ меня мой наставникъ. Много препятствія должны преодолѣть мы: Царь очень вѣтренъ, очень легкомысленъ. . .

ВТОРЫЙ.

Тѣмъ лучше для насъ; тѣмъ легче убѣждать его, тѣмъ легче согласится онъ.

ПЕРВЫЙ.

Замѣтилъ ты, что онъ удаляется отъ совѣщаній съ нами, не такъ какъ прежде.

Мы должны напрящи всѣ силы, чтобъ побѣду, плодъ толикихъ трудовъ, не исторгли изъ рукъ у насъ.

ВТОРЫЙ.

Ты слишкомъ строго судишь, мой отецъ. По моему, побѣда — вѣрная, а замедленіе отъ того, что Димитрій еще не утвердился на своемъ престолѣ. Какіе слухи распускаются объ немъ безпрестанно. Этотъ Князь Шуйскій строитъ опасные ковы....

ПЕРВЫЙ.

А кто виноватъ, что сіи опасные ковы не уничтожены съ самаго начала. Онъ самъ своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ!... Сколько безразсудныхъ шаговъ ступилъ онъ безъ нашего вѣдома. Мы должны спасать его, не только думать о церкви. Я боюсь, чтобъ и теперь не поступилъ онъ опрометчиво, а это важное дѣло: Князь Шуйскій имѣетъ многихъ приверженцевъ. Кстати мы воспользуемся симъ заговоромъ, чтобъ убѣдить его...

Самозванецъ и Басмановъ выходятъ стремительно изъ внутреннихъ комнатъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Какъ! они смѣютъ! они не довольны моей царской милостью! они начинаютъ умышлять на меня! такъ я же ихъ! сей часъ привести ихъ ко мнѣ. (*Басмановъ уходитъ, увидя Іезуитовъ*). Послушайте отцы святые, что сдѣлалось. . .

ПЕРВЫЙ.

Мы слышали, и по поводу этого горестнаго произшествія хотимъ повторить тебѣ прежніе совѣты, не слѣдуя коимъ, ты подвергъ и подвергаешь жизнь и престолъ свой безпрерывнымъ опасностямъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да! вы совѣтуете мнѣ дѣйствовать тихо. Вотъ видите — можно ли дѣйствовать тихо. Вы не знаете этихъ дикихъ звѣрей. Нѣтъ, я примусь иначе, и первый примѣръ покажу надъ этимъ лицемѣромъ.

ПЕРВЫЙ.

Зачѣмъ спѣшить! Мы не имѣемъ времени изложить теперь въ подробности наши мысли о образѣ твоихъ дѣйствій, но просимъ тебя: не изрѣкай самъ приговора Князю Шуй-

скому, хотя улики и явны. Отдай его на судъ твоимъ Боярамъ, которые не посмѣютъ оправдать его; народъ въ наказаніи его увидитъ дѣйствіе неумышнаго правосудія, а не мгновеннаго гнѣва. Иначе ты доставишь предлогъ злобѣ и клеветѣ враговъ твоихъ.

(*Басмановъ возвращается*)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я не боюсь ихъ; но для васъ отцы святые, я готовъ удержать мечь, висящій надъ его главою. (*Къ Басманову*) Боярская дума здѣсь. Отведи его къ нимъ. Представь свидѣтелей, скажи, чтобъ они разобравъ его вину, произнесли приговоръ. Я буду ждать здѣсь ихъ рѣшенья.

БАСМАНОВЪ (*уходя*).

Вотъ это хорошо.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать Маржерета, Бучинскаго. И что такъ долго не несетъ онъ вѣстей, привезенныхъ изъ Польши!

ІЕЗУИТЫ (*хотятъ говорить*):

Апостольскій намѣстникъ...

САМОЗВАНЕЦЪ.

Отцы святые! Вы сами видите, что я безпрестанно занятъ.

ВТОРЫЙ.

А между тѣмъ зло роститъ и преуспѣваетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Подождите, подождите!

ПЕРВЫЙ.

Если намъ грѣшнымъ позволено проникать судьбы Божія, мнѣ кажется, Господь искушаетъ твою преданность къ Нему, напоминаетъ, чтобъ ты сталъ твердо на стезю, тобою избранную. . .

(Басмановъ входитъ съ Маржеретомъ и Бучинскимъ.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Вѣрю, вѣрю вамъ отцы святые, и прошу только небольшей отсрочки. Скоро я займусь съ вами. Прощайте! (*оборачивается къ пришедшимъ.*)

ІЕЗУИТЪ.

Въ надеждѣ на всѣ обѣщанія и клятвы мы отходимъ съ молитвою, чтобъ Онъ помогъ тебѣ скорѣе. . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Бучинскій! У меня будетъ три роты тѣлохранителей. Начальниками Маржеретъ, Кнутсенъ, Вандеменъ. Жалованья имъ по 50 рублей, кромѣ помѣстья. Одѣть въ камку и бархатъ. Вооружить сѣкирами и бердышами. Они всегда должны быть со мною. (*къ Басманову*) Теперь ты спокоенъ Петръ Ѳедоровичь; — и противныхъ тебѣ Іезуитовъ я проводилъ, а право было совѣстно. (*Къ Маржерету*) Триста такихъ молодцевъ оборонятъ меня отъ всѣхъ чертей въ аду, не только отъ этихъ Московскихъ пузановъ. Примѣръ надъ Шуйскимъ... Впрочемъ я думаю, это что нибудь старое! Послѣ свидѣтельства матери кому придетъ въ голову? Но полно объ этомъ. Что нибудь повеселѣе. — А — да что же изъ Польши? Что моя Марина? Выѣхала наконецъ?

БУЧИНСКІЙ.

Нѣтъ не выѣзжала. Воевода дожидается денегъ, чтобъ расплатиться съ заимодавцами.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я послалъ ему.

БУЧИНСКІЙ.

Этого мало. Сто тысячь злотыхъ отдано Королю, что браты на первое ополченье. Надо еще.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Такъ пошли этому старому чорту, сколько онъ хочетъ. Лишь толькобъ скорѣе получить мнѣ мою Марину. — Какъ хочется мнѣ Царемъ прижать ее къ сердцу. Ахъ, братцы, какъ она хороша! Что за жаръ! Какіе глаза! поступь! А руки, а голосъ! Въ поле, братцы, въ поле! мнѣ душно здѣсь! Надоѣла музыка, пляска и зернь. И знаете ли что — на травлю! Я разучился бить медвѣдей. По дорогѣ завернемъ въ Дѣвичій монастырь.

БУЧИНСКІЙ.

Воевода напоминаетъ еще о Ксеніи. Не прилично жениху. . .

САМОЗВАНЕЦЪ (*смѣясь*).

Ну отослать ее прочь. Не надо ли кому? — Или постричь въ монахини. Ѣдемъ же братцы.

БАСМАНОВЪ.

Но ты забылъ, что сей часъ принесутъ осужденіе Князя Шуйскаго.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ахъ, да! При одномъ имени его закипѣла у меня вся кровь. Старая лисица. Я поймалъ тебя. . .

ДЬЯКЪ *(входитъ со свиткомъ)*.

Холопъ твой Князь Василій, Княжъ Ивановъ сынъ, Шуйскій провинился предъ тобою, Государемъ своимъ, въ зломъ умыслѣ, понося тебя, якобы лжецаря суща, всякими непристойными и бранными словесы, въ чемъ и приличенъ на очныхъ ставкахъ со свидѣтели, холопи его и вольные люди.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Приличенъ! Казнить его сей часъ. Поставить плаху на красной площади, и чтобъ духу его зловреднаго не осталось.

(Дьякъ выходитъ.)

БУЧИНСКІЙ.

Позволь тебѣ сказать два слова, Великій Государь. Шуйскій имѣетъ много родства между Боярами, много приверженцовъ въ народѣ. Тебя возненавидятъ за него. Рано принимать такія мѣры — вспомни, что Шуйскій посыланъ былъ дѣлать розыскъ о смерти тво-

ей; ты хочешь удалить, скажуть, главнаго свидѣтеля — послушай, объяви ему прощеніе.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, ни за что! какъ ты осмѣливаешься!

БУЧИНСКІЙ.

Повѣрь — такое средство будетъ гораздо дѣйствительнѣе. Всѣ увидятъ, что ты не боишься никакихъ враговъ, когда самаго сильнаго оставляешь въ живыхъ, имѣя въ своихъ рукахъ такія улики на него; слѣдовательно тебѣ нечего бояться, слѣдовательно ты правъ. И всѣ прославятъ твое милосердіе. А Шуйскій, побывавъ у плахи, по неволѣ смирится, не посмѣетъ замыслить на тебя что нибудь вновь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ не посмѣетъ, остановится — вѣрнѣе когда ляжетъ въ землю.

БУЧИНСКІЙ.

А другіе? Всѣхъ вдругъ не зароешь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Со всѣми будетъ то же. Нѣтъ, я хочу — онъ долженъ быть казненъ. Я не могу произ-

несши его имени безъ злобы. Какъ! онъ шакъ низко мнѣ кланялся! онъ шакъ увѣрялъ меня въ своей покорносши!

БАСМАНОВЪ.

И я шо же думаю: примѣръ шеперь нуженъ.

(входятъ Бояре)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Вы еще зачѣмъ? . . .

БОЯРЕ.

Осмѣливаемся припасшь къ сшопамъ швоимъ и молишь за недосшойнаго раба швоего Князя Василія Ивановича Шуйскаго. Вѣдаемъ, чшо онъ зѣло предъ Царскимъ швоимъ Величесшвомъ провинился; но произошло сіе безъ умыслу, шушкою, въ хмѣлѣ. Памяшуя прежнія его заслуги ошечесшву въ судахъ и дѣлахъ рашныхъ, просимъ шебя, великій Государь, помиловашь его и ошпусшишь намъ на поруки.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Вамъ на поруки! Да вы сами шакіе же злодѣи. Я доберусь до васъ всѣхъ. Я знаю — вы умышляеше прошивъ меня зло; васъ всѣхъ ожидаешъ плаха.

БОЯРЕ.

Воля твоя, державный Государь! что хочешь, то и дѣлаешь надъ нашими головами. Мы просимъ только теперь преложить гнѣвъ свой на милость и помиловать Князя Василія Ивановича.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Вы не заслуживаете ея. Вы не умѣете пользоваться моими благодѣяніями. Но родитель мой оставилъ мнѣ примѣръ — ему я послѣдую. Онъ зналъ вашу злокозненную природу. — До всѣхъ доберусь я.

БОЯРЕ.

Пусть всякая вина наша будетъ виновата предъ тобою великой Государь, но помилуй теперь Князя Василія Ивановича.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, не хочу. Вамъ надо примѣръ. Смотря на окровавленную голову вашего Князя Василія Ивановича, вы лучше будете помнить о моихъ словахъ и вашей присягѣ.

БОЯРЕ.

Будемъ помнить, но теперь помилуй Князя Василія Ивановича.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Подите вонъ, говорю я вамъ.

(идетъ отъ нихъ повторяя: пѣтъ, пѣтъ, пѣтъ; *а они за нимъ безпрестанно кланяясь; между тѣмъ показывается въ дверяхъ Царица Марѳа, которую поцѣловавъ онъ, ведетъ во внутреннія комнаты мимо Бояръ).*

ПЛОЩАДЬ.

(Народъ толпится около плахи. Палачь работаетъ, по временамъ отгоняя мѣшающихъ.)

ПАЛАЧЪ.

Прочь. Чего вамъ надо! не трогайте.

(Въ народѣ)

ПЕРВЫЙ.

Кому это будутъ голову рубить нынче.

ВТОРЫЙ.

Князю Василію Ивановичу Шуйскому.

ТРЕТІЙ.

Владычица небесная! природному Князю.

ПЕРВЫЙ.

За что онъ предъ батюшкой нашимъ Дмитріемъ Ивановичемъ провинился?

ВТОРЫЙ.

Слышь, говорилъ какія-то непригожія рѣчи.

ПЕРВЫЙ.

Батюшки свѣты мои! что же онъ говорилъ?

КУПЕЦЪ.

То же, что и другіе говорили, да еще чередъ не дошелъ до тѣхъ, что Царь нашъ Самозванецъ, что онъ не сынъ Ивана Васильевича, а Гришка Отрепьевъ, еретикъ, чернокнижникъ.

ВТОРЫЙ.

Не слышу, не слышу я ничего.

ТРЕТІЙ.

Ахъ Господи! Не уже ли это правда?

КУПЕЦЪ.

Кому бы кажется знать лучше какъ не Боярамъ, особенно Князю Василію Ивановичу. Онъ уже давно всѣми дѣлами на Руси заправляетъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ куда же мы сами угодимъ, если мы

слушаемъ такого оборотня, и Царемъ чествуемъ и молимъ Бога за него.

КУПЕЦЪ.

Куда угодимъ — вѣстимо не въ доброе мѣсто.

ПЯТЫЙ.

Изъ огня да въ полымя. Слушай — горе, не слушай вдвое.

ВТОРЫЙ.

И онъ такой-сякой, ни то Царь, ни то разстрига, такъ умничаетъ, и казнитъ великаго Боярина.

ПАЛАЧЪ (*кончая свою работу*).

Эка важность какая! видали мы много великихъ такихъ-то. — Какъ бывало батюшка Иванъ Васильевичъ! Дай Богъ ему царство небесное, покойное мѣсто — ужъ вотъ умѣлъ учить ихъ путемъ, ужъ вотъ потѣшилась ручка въ волю . . .

ТРЕТІЙ (*изъ народа*).

Экой какой! въ тебѣ и жалости нѣтъ.

ПАЛАЧЪ.

Какая тутъ жалость — охота: бывало какъ стоятъ на площади они рядкомъ, ни гласу, ни послушанія, такіе смирные, такіе тихіе, что твои телятты связанныя, а ты-то около ихъ ходишь, какъ староста какой, да посматриваешь, да покрикиваешь. — Махнутъ рукой — и пошелъ качать, ажно въ воздухѣ засвиститъ, а по сердцу масло.

(Изъ Спасскихъ воротъ выѣзжаетъ отрядъ конницы. Послѣ ведутъ Кн. Шуйскаго съ связанными руками назадъ.)

Въ народѣ крикъ: Ведутъ! ведутъ!

ПЕРВЫЙ.

И въ самомъ дѣлѣ это Князь Василій Ивановичъ.

ПАЛАЧЪ.

А, милости просимъ — жданой гость. Видите какой идетъ — а такимъ ли около васъ похаживалъ.

I.

О началѣ просвѣщенія Оссетинцевъ и другихъ Горскихъ народовъ Святымъ Крещеніемъ.

Повѣствованія, а болѣе видимые остатки древнихъ разрушенныхъ храмовъ Божіихъ въ Осетіи, удостовѣряютъ, что сія нація и другія многія племена, по Кавказу разсѣянныя, въ древности исповѣдывали Христіанскій законъ. Но что они, время отъ времени въ разныя уклонясь заблужденія, истребили оный изъ памяти, тому причиною полагать должно нашествіе Магометанъ,—всегдашнихъ враговъ Христіанства, укоренившуюся на Кубани власть Крымскихъ Хановъ, а также заразительныя болѣзни и моровыя язвы, частые грабежи и хищенія смежныхъ съ ними народовъ. Большая часть Осетинцевъ, какъ въ послѣдствіи времени открылось, отъ Христіанства обратились къ язычеству, а нѣкоторые приняли Магометанскую вѣру. Грузинскіе Цари сколько ни старались поддержать Христіанскую вѣру между Оссетинцами, но все было тщетно.—Погруженные въ идолопоклонство горскіе обитатели Кавказа, дикостію нрава, многообразіемъ нарѣчій и суевѣрій, жадностію корысти и крови, непреодолимую поставляютъ преграду распространенію въ Азіи спасительнаго ученія Христова. Сію грозную цѣпь непроходимыхъ горъ, въ ущельяхъ коихъ водворилось издревле смѣшеніе

языковъ, право сильнѣйшаго, союзъ язычества съ Магометанствомъ, по справедливости назвать должно средостѣніемъ ограды, могущимъ оплотомъ тьмы, упорно отражавшимъ донынѣ всѣ лучи свѣта, изливаемаго Евангеліемъ по лицу земнаго шара. Впрочемъ невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога. Исполненіе временъ и для сихъ братій нашихъ очевиднымъ образомъ приблизилось.—Благовѣстники Слова Божія, посланные на подвигъ обращенія Святѣйшимъ Сvнодомъ, Церкви Россійской приняли благословеніе отъ небеснаго Сѣятеля, и труды ихъ увѣнчаны успѣхами.

Обращеніемъ Осетинскаго народа въ Христіанство Правительство Россійское начало заниматься съ 1745 года. Къ святому сему дѣлу подали поводъ: Грузинсій Архіепископъ Іосифъ и Московскаго Знаменскаго монастыря (изъ Грузинъ же) Архимандритъ Николай, которые въ 1743 году, 9 Февраля, поданнымъ прошеніемъ къ Ея Императорскому Величеству, Блаженныя памяти и вѣчной славы достойной Великой Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ представили:

Что помянутый Осетинскій народъ, состоящій, сколько имъ извѣстно, въ количествѣ болѣе двухъ сотъ тысячь душъ, и обитающій въ недалекомъ отъ города Кизляра разстояніи, былъ прежде подъ владеніемъ Грузинскихъ Царей, а нынѣ никому неподвластенъ, и содержалъ въ древнія времена православную Христіанскую вѣру, что доказываютъ состоящія и по нынѣ въ жительствахъ ихъ каменныя со святыми иконы церкви, къ коимъ они охотно прибѣгаютъ, и посты содержатъ, и когда

(Въ народѣ слышны рыданія.)

БАСМАНОВЪ *(къ палачу).*

Скорѣй.

ПАЛАЧЬ *(къ Шуйскому).*

Ну теперь ложись, по середкѣ, ближе къ правой сторонѣ, вотъ такъ. Смотри же не ворохнися. *(плюетъ себѣ на руку.)* Ну, *(къ народу)* подайтесь, какъ бы не задѣть. *(Заноситъ топоръ надъ головою, какъ вдругъ въ Спасскихъ воротахъ показывается скачущій*

ВСАДНИКЪ,

съ бумагами въ рукахъ, и кричащій во весь голосъ:
Стой! Стой!

Вся площадь восклицаетъ за нимъ: стой, стой.

(У ПАЛАЧА *опускается рука и онъ бросаетъ топоръ, говоря къ народу):* По усамъ текло, а въ ротъ не попало. *(скрывается въ толпѣ).*

ВСАДНИКЪ *(прискакавши).*

Царь Государь прощаетъ своего провинившагося холопа.

Общій крикъ: Слава ему, честь ему! Многія лѣта Государю нашему Димитрію Ивановичу.

ВСАДНИКЪ (*продолжаетъ*).

Изъ уваженія къ его роду и прежнимъ заслугамъ, и по ходатайству матери своей благовѣрной Царицы Инокини Мареы, и всѣхъ Бояръ своихъ, которые представили за него поручную запись. Жить ему съ братьями въ пригородахъ Галицкихъ.

(*Шуйскаго поднимаютъ и одѣваютъ.*)

ВЪ НАРОДѢ.

Многія лѣта милосердому Государю нашему Димитрію Ивановичу, многія лѣта!

БАСМАНОВЪ

(*къ одѣвающемуся Шуйскому*).

Смотри Князь Василій Ивановичь! Не заплати зломъ за добро. Помни, что голова твоя лежала на плахѣ, и что спасъ тебя отъ вѣрной смерти милосердый Государь нашъ Димитрій Ивановичь.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ

(*одѣвшись совсѣмъ*).

Вѣкъ не забуду, Петръ Ѳедоровичь, вѣкъ не забуду. (*Крестится смотря на Соборъ*). Слава

и благодареніе Тебѣ Господи. Многая лѣта благодѣтелю моему Царю Дмитрію Ивановичу. (*въ полголоса*). Вотъ ужё я доѣду тебя супостата. (*отирая себѣ шею*). Посмотримъ, чья возметъ. (*Родственники уводятъ его съ плахи. Слышны вездѣ радостныя восклицанія.*)

III.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

Два служителя убираютъ комнату.

ПЕРВЫЙ.

Кого нынче принимать будутъ?

ВТОРЫЙ.

Нѣмецъ какой-то пріѣхалъ.

ПЕРВЫЙ.

Нештó. А то вѣдь Царь нашъ не любитъ пріемовъ. Ему бы на конюшнѣ, на садкѣ, на травлѣ. — Откуда же этотъ Нѣмецъ?

ВТОРЫЙ.

Вотъ откуда — какъ зовутъ Попа набольшаго у Латынщей.

ПЕРВЫЙ.

Пáпа.

ВТОРЫЙ.

Ну такъ отъ Пáпы-то. Окаянные! Папа! У насъ такъ ребята хлѣба просятъ.

ПЕРВЫЙ.

За чѣмъ же онъ пріѣхалъ сюда? Ужь не креститъ ли насъ въ его вѣру.

ВТОРЫЙ.

Эка дура! въ его вѣру развѣ крестятъ? Крестятъ въ нашу, въ православную.

ПЕРВЫЙ.

А ожидать отъ него лучше нечего.

ВТОРЫЙ.

Да, живетъ онъ, правду сказать не по-христіански: передъ обѣдомъ не молится, столъ покропитъ и помину нѣтъ. Какъ бывало у блаженныя памяти Царя Ѳедора Ивановича. Вотъ благочестье-то братъ было-ау!

ПЕРВЫЙ.

А за нимъ мы первые въ адъ, слуги его.

ВТОРЫЙ.

Здѣсь живемъ, грѣхъ пожаловаться, и сыто и пьяно, а что будетъ съ нами на томъ свѣтѣ, боюсь и думать. — Знаешь ли: я не могу даже пройдти мимо той мѣдной хари, что поставилъ Царь въ сѣняхъ, такъ дрожь и проймѳтъ. — Какъ разинетъ она пасть, такъ кажется и проглотитъ. А это еще какая? самодѣльная. Какова же должна

быть изоправская-то, въ настоящемъ-то аду? у! — Говорятъ, не долго ему бушевать!

ПЕРВЫЙ.

Я такъ дивлюсь еще, какъ ему долго все съ рукъ сходитъ, какъ до сихъ поръ народъ не опомнится.

ВТОРЫЙ.

Не опомнится! вѣдь народъ не знаетъ того, что мы знаемъ.

(Входитъ Басмановъ).

БАСМАНОВЪ.

Гдѣ Царь?

ПЕРВЫЙ.

Не можемъ знать.

(Басмановъ проходитъ въ другую комнату.)

ВТОРЫЙ.

Вотъ еще няньку Богъ далъ ему! а безъ него давно бы онъ сломилъ шею. Да нѣтъ, не научиться! не туда смотритъ.

ПЕРВЫЙ.

Сначала-то слушался, и все шло на порядкахъ, а нынче и чортъ ему не братъ. Чѣмъ дальше тѣмъ хуже.

(Басмановъ опять войдя):

Куда же онъ дѣвался — его здѣсь нѣтъ нигдѣ.

ВТОРЫЙ.

Онъ ускакалъ со двора.

БАСМАНОВЪ.

Что же, дурачье, вы не сказали этого прежде?

ПЕРВЫЙ.

Вѣдь ты не про-то спрашивалъ! ты спросилъ, гдѣ, а мы того не знаемъ.

(Входитъ Самозванецъ. Басмановъ даетъ знакъ служителямъ выйти).

БАСМАНОВЪ.

Помилуй-гдѣ ты рыскаешь? вѣдь ты самъ хотѣлъ принять нынче пораньше посла Римскаго и Папскаго, чтобы поскорѣе отдѣлаться, и на свободѣ остаться съ своею невѣстою. Всѣ сбираются.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну вотъ я и здѣсь. Мнѣ надо было съѣздить къ золотыхъ дѣлъ мастеру, посмотрѣть готово ли кольцо, которое я повезу къ моей милой, къ моей прелестной... Зови скорѣе

пословъ! *Басмановъ уходитъ на минуту, чтобы дать знать.* Ахъ, я думаю она ужъ подъ Москвою.

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, теперь она еще около Можайска, къ Москвѣ подъѣдетъ въ три часа. — Послушай! тебѣ надо говорить о предметахъ важныхъ. Будь благоразуменъ, Христа-ради будь благоразуменъ. Не поставь противъ себя Бояръ, изъ коихъ многіе еще преданы тебѣ. Пріобрѣти любовь прочихъ. Поддержи себя съ твердостію и гордостію противъ иноземцевъ, — я слышалъ, грамота подписана, не такъ какъ ты хотѣлъ. Иначе ты погубишь себя. Я увѣряю тебя. Нынѣшнимъ пріемомъ ты долженъ опровергнуть предъ всѣми слухи, которые распускаются о тебѣ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Полно, братецъ, о чемъ ты безпокоишься! всѣ Бояре притихли теперь, и боятся одного взгляда моего. Они не опомнятся годъ еще послѣ переполоха Шуйскаго, не только что замыслять важное.

БАСМАНОВЪ.

Тишина бываетъ опаснѣе грозы иногда. И народъ становится страшнымъ, слухи ходятъ не хорошіе.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Пусть ихъ болтаютъ. Это ничего. Однѣ слова. При Борисѣ что обо мнѣ говорили, а чѣмъ все кончилось? Теперь еще безопаснѣе. Это стадо овецъ. Пусти въ нихъ ядромъ и все... Теперь наѣдетъ еще Поляковъ тысячи двѣ. Друзья и молодцы. Чего больше? Не серди же меня, не смущай своими черными мыслями моего спокойствія, моего веселія. — Послушай — я не слышу отъ тебя ни одного слова пріятнаго.

БАСМАНОВЪ.

Отъ того, что я люблю тебя и боюсь за тебя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не бойся. Я не мальчикъ и вижу все самъ. Я хочу радоваться и веселиться. Довольно я потрудился, пострадалъ... Чего стоила бы жизнь на престолѣ, еслибъ всякую

шпугину надо было сохнуть да думать. Чортъ возми. . . . я лучше. . . .

СТОЛЬНИКЪ.

Послы прибыли.

БАСМАНОВЪ.

Сей-часъ я выйду. (*Уходя*). Сдѣлай милость, обойдись съ ними погрубѣе. Покажи себя Царемъ, какъ ты показалъ себя подъ Добрыничами. Чтобъ видѣли Бояре, что ты себя и Русскую силу знаешь, и не считали тебя чьей нибудь игрушкой . . . . . а тамъ и веселись.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну — ну. (*Басмановъ уходитъ. Зоветъ служителя*) Эй, подайте мнѣ вѣнецъ.

(Служитель подаетъ. Самозванецъ надѣваетъ и садится на престолъ. Послы входятъ извѣстнымъ порядкомъ, въ сопровожденіи Бояръ.)

ОЛЕСНИЦКІЙ

(уступая мѣсто Рангони).

Тебѣ, представляющему лице общаго отца всѣхъ Христіанъ, принадлежитъ честь первому.

РАНГОНИ.

Его Святѣйшество тебѣ непобѣдимому и благовѣрному Государю посылаетъ свое Апостольское благословенiе. (*Бояре шепчутъ тихо между собою:* Апостольское благословенiе). Услышавъ отъ отца Лавицкаго о побѣдоносномъ твоемъ воцаренiи, и о милостяхъ, оказанныхъ тобою любезнымъ его дѣтямъ, Патерамъ Лавицкому и Черникавскому, благодаритъ тебя сердечно, и молитъ Бога, да украсится глава твоя лучезарнымъ вѣнцемъ безсмертiя, коего удостоились равноапостольные Государи, освѣтившiе свои страны Божественнымъ свѣтомъ Христова ученiя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Благодарю Его Святѣйшество за благiя желанiя, и прошу не забывать въ своихъ молитвахъ, а я буду стараться о сокрушенiи враговъ имени Христова.

РАНГОНИ.

Сiе благое обѣщанiе, сообщенное Римскому Престолу, Святый Отецъ принялъ съ сердечнымъ наслажденiемъ. Но еще болѣе ты доставишь наслажденiя ему и всему Христiанству, приступивъ къ исполненiю другаго сво-

его обѣщанія — о соединеніи церкви Восточной и Западной. О, какая благодатная участь предоставлена тебѣ благимъ Промысломъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

На Турокъ я рѣшительно и немедленно иду войною. Еслибъ его Святѣйшество убѣдилъ Императора Германскаго не мириться съ ними, тогда мы соединенными силами, съ разныхъ сторонъ, устремились бы на нихъ въ одно время.

РАНГОНИ.

Мы вступили уже въ переговоръ съ Императоромъ. Но еслибъ соединеніе церквей, которое теперь болѣе всего лежитъ на сердцѣ у Его Святѣйшества, теперь совершилось, то, можетъ быть для сей радости нашлись бы новыя средства и у насъ, и у другихъ православныхъ Европейскихъ Государей, любезныхъ чадъ его.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Но еслибъ соединеніе войскъ нашихъ могло состояться, то я увѣренъ, что ни въ какихъ другихъ намъ не было бъ нужды для сокрушенія луны Магометовой. Впрочемъ ты можешь увѣрить Его Святѣйшество, что, среди

всѣхъ тяжкихъ заботъ, непрестанно я помышляю о семъ вожделѣнномъ для Христіанства событіи.

(Обращается къ Польскому послу, котораго передъ симъ выводитъ Басмановъ.)

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Великій Государь Сигизмундъ желаетъ тебѣ здравія и присылаетъ со мною свою грамоту.

(Самозванецъ даетъ знать, чтобъ Олесницкій подалъ ее Власьеву. Сей посмотрѣвъ ее, отдаетъ послу назадъ.)

ВЛАСЬЕВЪ.

Эта грамота написана какому-то Князю Димитрію, а нашъ Государь есть Царь, Императоръ и Цезарь.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Что ты говоришь? Что это значитъ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Что грамоты, съ такою надписью, принять нельзя нашему Государю.

БАСМАНОВЪ *(тихо ему.)*

Крѣпче, крѣпче. Такъ, такъ.

ВЛАСЬЕВЪ (*продолжая.*)

Это для него великое оскорбленіе. Послы не могутъ быть допущены до лобызанія Царской руки, и должны ѣхать съ нею обратно.

(*Изумленный Олесницкій смотритъ на Самозванца.*)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Но ты можешь переписать надпись, и въ такомъ случаѣ грамота будетъ принята.

ОЛЕСНИЦКІЙ (*вспыхнувъ*).

Отъ тебя ли это слышу? Какъ! ты отвергаешь съ презрѣніемъ грамоту Его Величества Короля Польскаго Сигизмунда? Ты посылаешь пословъ его обратно обезчещенныхъ? Знаешь ли, что имя Короля Польскаго, одного изъ первыхъ владыкъ земныхъ, находится у всѣхъ народовъ и Царей въ почтеніи? Знаешь ли, что такое оскорбленіе никогда еще не наносимо было Польскому имени? Знаешь ли, что вся Рѣчь Посполитая почтетъ за священную обязанность отмстить . . . и по чьей милости сидишь ты самъ на престолѣ Россійскомъ?

САМОЗВАНЕЦЪ

(вставъ и снявъ съ себя регаліи).

Какъ смѣешь ты въ присутствіи моего народа говорить мнѣ такія грубости.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Не грубости, а правду, вынужденную твоей обидою. Ты забылъ, какъ приходилъ къ Сигизмунду умолять его о помощи въ Краковѣ. Ты забылъ, какъ благодарилъ его, получивъ отъ него деньги, наставленія и воиновъ. . .

(Шепотъ и восклицанія между Боярами.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не прилично Государю вступать въ преніе съ посломъ иноземнымъ; но я не хочу, по моему праву, оставить этого случая безъ немедленнаго объясненія. Могу ли я быть доволенъ названіемъ Князя и Господаря, когда мнѣ служатъ не только Государи и Князья, но и Цари. Панъ Олесницкій, спрашиваю: могъ ли бы ты принять письма, еслибъ въ нихъ не было означено твое шляхетское достоинство.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Я человѣкъ военный, и не умѣю говорить и спорить безъ приготовленій, но то знаю, что ты требуешь себѣ титула новаго.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Всѣ Европейскіе Государи называютъ меня Императоромъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Но Польскіе Короли Московскихъ Князей никогда такъ не называли. И Сигизмундъ не хочетъ такъ тебя называть.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сигизмундъ меня обижаетъ: онъ имѣлъ во мнѣ друга и брата, какого никогда не имѣла республика Польская, а теперь я вижу въ немъ зложелателя, и нашъ полезный благословенный союзъ ослабнетъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Ты не успѣлъ еще ничѣмъ показать ему своей дружбы, а отъ Короля, повторяю, получилъ уже много благодѣяній. И теперь еще, отпуская къ тебѣ невѣсту, благородную шляхтенку Государства вольнаго, онъ оказываетъ тебѣ новое. — Его войско готово защищать

тебя, а ты отсылаешь его пословъ. Словомъ — если ты не примешь моей грамоты, то я объявлю тебѣ войну именемъ моего Государя, и ратники, готовые теперь стать подъ знамена твои, обратятъ на тебя оружіе.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ты имѣешь полномочіе объявить войну.

(Въ эту минуту показывается Юрій Мнишекъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ шляхтичей. Самозванецъ бросается къ нему на встрѣчу.)

ЮРІЙ МНИШЕКЪ.

Я не вытерпѣлъ, любезный мой зять.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Родитель мой! наконецъ ты пріѣхалъ. И моя Марина пріѣхала.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Да, я объявляю тебѣ войну. (*Пришедшіе Поляки изъявляютъ удивленіе*). Богъ будетъ судить тебя за кровопролитіе и накажетъ твое неумѣренное честолюбіе.

САМОЗВАНЕЦЪ (*подумавъ*).

Я готовлюсь вступить въ бракъ съ благородною дщерію Королевства Польскаго, и

сердце мое расположено къ чувствованіямъ мирнымъ. Панъ Олесницкій! ты можешь цѣловать мою руку, какъ старый мой знакомецъ.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Или я посолъ, или не могу цѣловать руки твоей. — Лестно мнѣ быть твоимъ гостемъ, но я не могу оставить званія возложеннаго на меня моимъ Королемъ.

САМОЗВАНЕЦЪ

(садится снова на престолъ).

Возмите грамоту (*грамоту берутъ*). Панъ Олесницкій! я желаю знать о здравіи моего сосѣда и брата Короля Сигизмунда.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Руские Государи спрашивали всегда о здравіи нашихъ Королей привставъ съ своего мѣста въ знакъ уваженія.

Бояре шепчутъ: Каковъ! они всѣ такіе: дай только повадку — на шею сядутъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я вижу, что тебя привыкшаго сражаться на ратномъ полѣ нельзя убѣждать словами, когда ты возмешь себѣ что нибудь въ голову;

Я надѣюсь въ слѣдующій разъ имѣть отъ Короля другаго посла, болѣе знакомаго съ придворными обычаями. (*Ставъ.*) Панъ Олесницкій! я желаю знать о здравіи моего сосѣда и брата Короля Сигизмунда.

ОЛЕСНИЦКІЙ.

Король Сигизмундъ здравствуетъ, и о тебѣ своемъ любезнѣйшемъ сосѣдѣ, Князѣ и Господарѣ, то же слышать желаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ (*къ Боярамъ*).

Я надѣюсь, что нынѣшняя распря, произшедшая отъ недоразумѣнія, окончится полюбовно, и Король Сигизмундъ вниметъ справедливымъ нашимъ представленіямъ. Пусть вспомнитъ онъ, что я даю ему титулъ Шведскаго, отнятый Борисомъ. Послы! вы можете жить, гдѣ вамъ угодно, видѣться и говорить съ кѣмъ хотите. Обычаи перемѣняются въ Россіи. Москвитяне становятся людьми — прочь недовѣрчивость! все будетъ отпускаться по вашему требованію. — Между тѣмъ меня дожидается возлюбленная моя невѣста. — Господа, желаю вамъ всякаго благополучія. — Аудіенція кончилась.

(Сходитъ съ престола и идетъ съ Басмановымъ и Мнишкомъ въ одну сторону, а прочіе въ другую.)

(Вмѣстѣ разходясь.)

ПОЛЯКИ.	РУССКІЕ.
ОЛЕСН. Каковъ? что заговорилъ!	1. Какъ его опозорилъ Польскій гоголь.
ГОНС. Но ты проучилъ его; онъ уступилъ.	2. И онъ вытерпѣлъ, и онъ уступилъ.
ДРУГІЕ. Мы проучимъ еще не такъ: онъ долженъ плясать по нашей дудкѣ.	3. Нѣтъ братцы, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Онъ выдастъ насъ руками этимъ Польскимъ наѣздникамъ. Безмозглые!
ТАРЛО. Полноте господа. Это только вспышка: его подожгли эти варвары Московскіе.	

Проходятъ другъ противъ друга, мѣряя себя глазами и огрызаясь.

ШАТЕРЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ.

МАРИНА И ЕЯ ГОРНИЧНАЯ.

МАРИНА.

Наконецъ мы пріѣхали!

РОЗА.

А, какъ пріятно путешествовать по своимъ владѣніямъ! не правда ли? Всѣ падаютъ къ ногамъ вашимъ, всѣ смотрятъ въ глаза,

РОЗА.

Но были ли такія прелести между Польками, какъ вы!

МАРИНА.

А какъ мы съ торжествомъ пріѣдемъ отсюда въ Польшу поблагодарить Короля?

РОЗА.

Съ скороходами, гайдуками, гусарами. Царица! какая слава! въ вѣнцѣ! въ горностаевой шубѣ! и всѣ будутъ подходить къ вашей рукѣ. Знаете ли, что и я здѣсь выйду за-мужъ за какого нибудь Князя?

МАРИНА.

Только помоложе, чтобы ты могла пріучить его на свой ладъ. Однако я отдохнула. Пора намъ кончить наше одѣяніе. Мой женихъ скоро пріѣдетъ. (*Смѣется.*) Надо обворожить его.

РОЗА.

О! за этимъ дѣло не станетъ, съ вашими умильными глазками! Но признайтесь, онъ не стоитъ вашихъ прелестей. Низенькой, рыжій, подслѣпой, съ бородавкой.

МАРИНА.

Онъ — а его Царство, низенькое, рыжее, подслѣпое, съ бородавкой. . .

РОЗА.

Признайтесь — вамъ стоило труда согласиться дать ему руку. Панъ, тотъ панъ... вамъ нравился больше.

МАРИНА.

Полно, не поминай объ немъ.

РОЗА.

А онъ явится при дворѣ вашемъ. Вашему мужу довольно. . .

МАРИНА.

Роза, замолчишь ли ты, или я разсержусь на тебя.

РОЗА.

Я замолчу, замолчу, а виновата, я звала его на вашу свадьбу. Ахъ, какъ вы прелестны!

(Входитъ Юрій Мнишекъ.)

МАРИНА.

Батюшка!

МНИШЕКЪ.

Поздравляю тебя съ прибытіемъ въ твою столицу, возлюбленная дочь моя, всемилостивѣйшая моя Государыня!

МАРИНА.

Я только дочь ваша, только дочь ваша.

МНИШЕКЪ.

Сей-часъ, вслѣдъ за мною, ѣдетъ нареченный твой супругъ. Какая пышность, какое богатство въ его дворцѣ! Какое повиновеніе, раболѣпство ему отъ всѣхъ бояръ! О, какъ ты счастлива!

МАРИНА.

И всѣмъ своимъ счастіемъ я одолжена вамъ, вашей прозорливости, вашей твердости, рвенію.

МНИШЕКЪ.

И твоему отечеству. Помни, дочь моя, что прежде всего ты благородная Полька, а послѣ уже Царица Московская.

МАРИНА.

Помню, помню. О, ни за что на свѣтѣ не промѣняю я перваго своего титла.

МНИШЕКЪ.

Старайся поддержать это чувство и въ своемъ супругѣ; оно начало ослабѣвать, я слышалъ. Его совѣтники... но какой совѣтникъ сильнѣе прелестной и умной жены! Старайся утвердить въ немъ мысль, что онъ владѣетъ

престоломъ своимъ только по милости Польши, можетъ сохранить его только помощію Польши, и потому долженъ быть непремѣнно другомъ и слугою Польши. Вы должны окружить себя Поляками и не имѣть никакой довѣренности къ этимъ хитрымъ Москвитянамъ. Польша предоставляетъ тебѣ соблюденіе всѣхъ своихъ выгодъ, и ты должна исполнить завѣщаніе своего отечества; тогда имя твое, имя нашего рода, имя Мнишковъ возблистаетъ въ лѣтописяхъ подлѣ именъ Сигизмундовъ, Баторіевъ и Ольгердовъ, нанесшихъ первый и рѣшительный ударъ этому ненавистному для насъ Царству. (*Слышенъ шумъ за шатромъ.*) Если онъ будетъ говорить тебѣ о нашихъ обрядахъ, не уступай ни одного, не истощивъ всѣхъ средствъ, чтобъ защитить и сохранить оный.

(*Самозванецъ входитъ стремительно, Марина бросается къ нему въ объятія.*)

МАРИНА.

Другъ мой! (*осыпаетъ его поцѣлуями*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Моя Царица! моя прелестная Царица! насилу я дождался тебя! Ахъ, часы тянулись для меня годами!

МАРИНА.

А *для* меня, а *для* меня, неуже ли ты думаешь — они были короче. (*Бросается опять цѣловать его*). Мой герой, побѣдитель!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Но все прошло, но ты въ моихъ объятiяхъ. Другъ мой! Чувствуешь ли ты бiенiе моего сердца? — А какъ я люблю тебя! Вотъ когда я счастливъ. (*Мнишекъ оставляетъ ихъ.*) Какъ ты прекрасна! Ты похорошела еще! О моя богиня! Сядь ко мнѣ на колѣна. (*Цѣлуются.*) Что мнѣ царство, что мнѣ слава, почести! Вотъ мое царство . . . все, рай. (*Сжимаетъ ее въ своихъ объятiяхъ, и потомъ молча смотритъ на нее нѣсколько минутъ.*) Встань. Я хочу посмотрѣть на тебя издали — о какое величiе! какая любезность! Теперь пройди! (*Опять бросается цѣловать ее.*) И ты моя, на вѣки моя! — Скажи, любишь ли ты меня?

МАРИНА.

Люблю ли я тебя?

САМОЗВАНЕЦЪ.

И вѣчно будешь любить меня?

МАРИНА.

Могу ли я жить безъ любви къ тебѣ! (*Самозванецъ склоняется на ея грудь.*) Недовѣрчивый! ты спрашиваешь? — Что же, если не любовь заставляла меня подать тебѣ руку въ Сендомирѣ, нищему скитальцу. И ты спрашиваешь меня!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Другъ мой! другъ мой! прости меня! да, ты любишь меня. О какъ мы счастливы. Но ѣдемъ, ѣдемъ. Скорѣе, скорѣе. Мнѣ мучительна всякая минута, пока. . . ѣдемъ. А ты одѣта не по здѣшнему.

МАРИНА.

Когда же передѣваться теперь: это будетъ слишкомъ долго.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну все равно. Только поскорѣй. Еще завтра свадьба. Сколько времени дожидаться!

МАРИНА.

По какому обряду будемъ мы. . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

По какому хочешь. Стану ли я на кого смотрѣть, — только чтобъ намъ поскорѣе

пріѣхать, сдѣлать необходимыя распоряженія и обвѣнчаться. О ты моя, о ты моя. . .

МНИШЕКЪ *(входитъ)*.

Все готово.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ѣдемъ, ѣдемъ. Твоя столица тебя ожидаетъ.

МАРИНА.

О мой герой! сколько трудовъ стоило тебѣ покорить ее! О мой другъ! какъ я обожаю тебя!

(Всѣ уходятъ.)

ПЛОЩАДЬ МЕЖДУ ГРАНОВИТОЮ ПАЛАТОЮ И СОБОРОМЪ.

НАРОДЪ.

ПЕРВЫЙ.

Что же, скоро ли пріѣдетъ Царица?

ВТОРЫЙ.

Долго ждали, авось не долго дождемся.

ТРЕТІЙ.

Куда хочется взглянуть мнѣ на нее, похожа ли она на нашихъ боярышенъ?

ВТОРЫЙ.

Какъ бы кажется не выбрать у насъ у кого по мысли. Неужели наша святая Русь клиномъ сошлась?

ПЕРВЫЙ.

Не далеко искать — батюшка его Иванъ Васильевичь выбралъ семь.

ТРЕТІЙ.

Полно батюшка ли?

ВТОРЫЙ.

О Боже мой! страшно жить на свѣтѣ: вездѣ какія рѣчи слышатся.

ПЕРВЫЙ.

Ну, если онъ не настоящій сынъ, такъ зачѣмъ же мы ему кланяемся!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Правда, мудрено сказать: что мѣсто такого грѣха накошелясешь на шею, что послѣ не стрясешь.

ВТОРЫЙ.

Что Бояре думаютъ, да молчатъ — что они намъ ничего не скажутъ.

ТРЕТІЙ.

Князь Василій Ивановичь Шуйскій говорилъ, да и положилъ на сойку свой язычекъ.

Всякому до себя. — Однако онъ воротился изъ Галича.

ПЯТЫЙ.

А вамъ все неймется — что болтаете.

ШЕСТЫЙ.

Эка смѣлость нынче какая. А все молодежь.

ПЕРВЫЙ.

Молчите, молчите братцы! вотъ никакъ прибѣжалъ дѣтина изъ за-города. Что онъ разсказываетъ! эй послушайка, подька сюда. Скоро ли пріѣдутъ?

СЕДЬМЫЙ.

Слѣдомъ. — Ужъ въ заставу въѣхали, а я поскорѣй сюда кругомъ, чтобъ увидѣть, какъ станутъ высаживаться.

ВТОРЫЙ.

Ну что, какъ тамъ?

СЕДЬМЫЙ.

Диво, братцы, диво. Съ роду не видывалъ. Народу-то, народу-то вотъ видимо-невидимо, по дорогѣ, на полѣ, такъ кишмя и кишатъ. Кровли, окна, такъ и усыпаны, такъ и облеплены. Стрѣльцы наши, казаки, Дѣти Боярскія стоятъ по обѣимъ сторонамъ

Что ихъ! счету нѣтъ. Всѣ въ красныхъ кафтанахъ, съ бѣлыми перевязями на груди. А булаты ихъ на солнцѣ такъ и сверкаютъ, такъ и сверкаютъ. Дворяне между ними, кто въ парчѣ, кто въ шелку разноцвѣтномъ. Господи Боже мой! эко богатство! эко великолѣпье! Индо глазамъ стало больно.

ПЕРВЫЙ.

А поѣздъ видѣлъ ты?

СЕДЬМЫЙ.

При мнѣ поднялись съ мѣста.

ТРЕТІЙ.

Ну-ка братецъ, разскажи пожалуйста, мы послушаемъ.

СЕДЬМЫЙ.

Какъ они ѣдутъ, и не выговоришь. Ѣдутъ впереди три ста великановъ, — глазами не достанешь, играютъ на какихъ-то свирѣлкахъ, таково тонко, таково тонко, что душа уходитъ въ пятки, а другіе бьютъ въ барабаны, а колокола-то гудятъ, а колокола-то гудятъ.

СТАРИКЪ.

Какъ! и въ свирѣль, и въ колокола! и Божій гласъ, и дьявольскій!

ТРЕТІЙ.

А послѣ?

СЕДЬМЫЙ.

Послѣ ѣдутъ Польскіе конники съ трубами и еще . . . какъ бишь называли ихъ . . . литаврами, по десяти въ рядъ, — какъ наряжены! Тутъ наши Дворяне и Дѣти Боярскія, а тутъ Паны, а тутъ тесть. — Вотъ братцы, тутъ-то чудо. — У него за возкомъ стоитъ ни то человѣкъ, ни то — я ужъ не знаю кто, весь черной, и щеки и губы, и подъ глазами, и уши, таки весь, весь, какъ уголь, а волосы курчавые. — Вѣрно дьяволы такіе живутъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А можетъ быть это и настоящій дьяволъ отпущенъ на посылки бусурману.

ВТОРЫЙ.

И языкъ черной, и зубы черные?

СЕДЬМЫЙ.

Языка не видалъ, а зубы бѣлехоньки, волосы курчавые. Ужъ чудо. Ну если такой привидится во снѣ!... (*Отплевывается.*) Потомъ ведутъ двѣнадцать лошадей, какія попоны, сѣдла — изъ рысьихъ мѣховъ, да барсовыхъ, удила золотыя, стремена серебряныя.

ПЕРВЫЙ.

Врешь ты.

СЕДЬМЫЙ.

Вотъ-те Христосъ — увидите сами.

СТАРИКЪ.

Плакали наши денежки. (*Обращается на Архангельскій соборъ.*) Батюшки наши Цари и Князья Православные! копили, копили денежки, а теперь все дуванъ берешъ.

СЕДЬМЫЙ.

А тутъ сама на колесницѣ, вся въ орлахъ, подъ высокимъ навѣсомъ, кисти длинныя золотыя. Двѣнадцать лошадей, — эки тучи, — конюха́ Царскіе ведутъ подъ уздцы тихо, тихо.

ПЕРВЫЙ.

Одна сидитъ она въ колесницѣ?

СЕДЬМЫЙ.

Нѣтъ, какая-то бабенка съ нею, такъ, не корыстная. А ужъ она-то, она-то. Ну братцы! ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Эка дѣвчища какая — городъ цѣлой! А платье на ней не наше.

ВТОРЫЙ.

Къ намъ ѣдетъ, Царицей быть хочетъ, а платьемъ нашимъ брезгаетъ.

СЕДЬМЫЙ.

Около нея-то, около нея-то — тутъ ужъ ничего не разглядишь, а только золото и серебро колышется, шелкъ да бархатъ переливается. За нею сколько. . . .

(Слышны шумъ и восклицанія около Спасскихъ воротъ).

ПЕРВЫЙ.

Знать пріѣхали.

ВТОРЫЙ.

Не можетъ быть такъ скоро. Гдѣ же передніе? Сколько ихъ наболталъ вотъ этотъ.

ТРЕТІЙ.

Вѣрно ихъ разводятъ по сторонамъ.

ВТОРЫЙ.

И то! Гдѣ же умѣстить здѣсь такую гибель. Да вотъ они разъѣзжаютъ по берегу.

ПЕРВЫЙ.

А — вотъ смолкло.

СЕДЬМЫЙ.

Вотъ свирѣльщики высыпаютъ изъ Спасскихъ воротъ. Что они играютъ?

ВТОРЫЙ.

Послушайте, послушайте. Не слыхать, не разберешь.

СТАРИКЪ.

Батюшки — Польскую пѣсню, родимые, Польскую пѣсню.

СЕДЬМЫЙ.

Вотъ и они показываются.

СТАРИКЪ.

Въ Спасскихъ воротахъ Польская пѣсня! Предъ Успенскимъ соборомъ Польская пѣсня.

(Между тѣмъ конница приближается и толкаетъ народъ въ стороны. Крикъ и шумъ).

Прочь! прочь!

НАРОДЪ.

Ой, ой! зубъ выколотили. Глазъ подшибли.

Пошелъ смотрѣть, такъ дѣлать нечего: за тычкомъ не гонись.

Для чего они толкаются?

Вѣдь въ соборъ жениху съ невѣстой нельзя еще идти.

(Марина и Самозванецъ останавливаются въ колесницѣ и выходятъ. Слышны немногія восклицанія).

Многія лѣта Царю! и невѣстѣ его многія лѣта!

(Они идутъ въ соборъ.)

ПЕРВЫЙ.

Смотрите, смотрите, они идутъ въ соборъ.

ВТОРЫЙ.

Какъ въ соборъ! Невѣста некрещеная.

ТРЕТІЙ.

Батюшки! что это такое.

ПЕРВЫЙ.

Ну, вотъ тебѣ и разъ!

(Самозванецъ входитъ въ соборъ съ Мариною. За ними Поляки и прочіе. Многіе взлезаютъ къ окошкамъ и смотрятъ.)

ПЕРВЫЙ.

Братцы! братцы! что тамъ дѣлается, разсказывайте.

ВТОРЫЙ.

Кто-то весь въ черномъ, держа въ рукѣ серебряной крестъ, безъ бороды, говоритъ Царицѣ. . . .

(Между тѣмъ музыканты не перестаютъ играть пѣсни).

ПЕРВЫЙ.

Перестаньте проклятые! оглушили.

ТРЕТІЙ.

Господи Боже мой! Тамъ священное служеніе, а здѣсь бѣсовское игрище! Что это такое!

ВТОРЫЙ.

Вотъ прикладывается она къ образамъ.

ПЕРВЫЙ.

Поганая-то, поганая-то прикладывается къ образамъ?

СТАРИКЪ.

Господи помилуй! Господи помилуй!

ВТОРЫЙ.

Ее ведутъ на царское мѣсто, по серединѣ собора . . . Патріархъ кладетъ на нее крестъ, бармы . . . и вѣнецъ Царскій.

ТРЕТІЙ.

Ну! такъ стало быть она и останется при своей вѣрѣ.

СТАРИКЪ.

Ну! До чего мы дожили. Царица будетъ у насъ погацая.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Преставленіе свѣта!

ВТОРЫЙ.

Опять что-то говорятъ. . . А Поляки-то шатаются по собору.

СТАРИКЪ.

Шатаются по собору?

ВТОРЫЙ.

Смотрите! прислоняются къ образамъ спиною.

СТАРИКЪ.

Спиною прислоняются къ образамъ!

ВТОРЫЙ.

Батюшки! Одинъ облокотился на раку... батюшки! вотъ другой къ нему сѣлъ.

СТАРИКЪ (*заливается слезами*).

Что же ты, Петръ Митрополитъ изъ гроба не поднимаешься! Что же ты нашъ Успенской соборъ на стѣнахъ своихъ не шатаешься. Что же ты Пресвятая Богородица огнемъ не

палишь? что же ты мать сыра земля подъ всѣми нами не разступаешься?

ВТОРЫЙ.

Ну все — теперь выходятъ изъ собора.

(Выходитъ множество Поляковъ. Увидѣвъ людей, лѣзущихъ по стѣнамъ и сидящихъ на окошкахъ, они нарочно хватаютъ ихъ за ноги и роняютъ среди общаго шума).

ВТОРЫЙ.

Что вы это дѣлаете пострѣлы?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Мы васъ не трогаемъ. Погодите. Мы справимся, раздѣлаемся.

(Выходятъ Самозванецъ и Марина. Молчаніе).

БАСМАНОВЪ *(къ народу).*

Ну что ротъ разинули. Кричите: многія лѣта Царю Дмитрію Ивановичу и Царицѣ Маринѣ Юрьевнѣ.

НАРОДЪ.

Многія лѣта благовѣрному Царю нашему Дмитрію Ивановичу и благовѣрной Царицѣ нашей Маринѣ Юрьевнѣ! многія лѣта!

(Идутъ по красному крыльцу въ палату.)

IV.

ДОМЪ КНЯЗЯ ШУЙСКАГО.

ВЕЧЕРЪ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ

(ходитъ одинъ по комнатѣ и поглядываетъ въ окошко).

Пришла пора. Все готово. Искру — и вспыхнетъ. Ты клалъ меня на плаху, посмотримъ, куда самъ ляжешь. Дождался череду ты Князь Василій Ивановичь! Дождался. За то потерпѣлъ, подумалъ, поработалъ! Ахъ хочется, хочется надѣть вѣнецъ, сѣсть на престолъ! Вѣнецъ, престолъ! долго мерещились они мнѣ во снѣ и на яву. — Вотъ идутъ мои. — Сердце отъ нетерпѣнья бьется! Убѣдить купцевъ, посадскихъ, кажется, не трудно. — Бояръ много моихъ, другіе пристанутъ, а третьи смолчатъ... и вѣрно, а не вѣрится. Пора, пора! скорѣй, скорѣй!

(Приходитъ нѣсколько человѣкъ.)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Всѣхъ ли повѣстили?

ПЕРВЫЙ.

Всѣхъ, и всѣ будутъ — сотники, пяти-десятники, купцы.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А Бояре — Князь Ѳедоръ Григорьевичь, Дмитрій Андреевичь.

ВТОРЫЙ.

Всѣ, всѣ. Но ты не говорилъ еще съ ними.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Они мои.

ПЕРВЫЙ.

Однако съ тѣхъ поръ прошло много времени. Иныхъ онъ пожаловалъ. Можетъ быть передумали.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ничего. Каково въ народѣ?

ПЕРВЫЙ.

Народъ пышетъ. Только и словъ, что о свадьбѣ и о всѣхъ его мерзостяхъ, начиная отъ въѣзда и до сихъ поръ. Наши шныряютъ вездѣ, прибавляютъ, подзадориваютъ.

ВТОРЫЙ.

Двухъ поймали однакожъ; больно неостророжны. Повели во дворецъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Это плохо! кого, не знаешь ли?

ПЕРВЫЙ.

Ванька Сверчекъ, да Демка Прохоровъ; ну чтожъ, до всѣхъ не доберутся.

(Входитъ нѣсколько Бояръ.)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Здравствуйте дорогіе гости, здравствуйте! Ну что скажете? Давно мы съ вами не видались.

ПЕРВЫЙ *(изъ пришедшихъ)*.

Да хотимъ услышать отъ тебя, что скажешь.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какъ идутъ дѣла?

ВТОРЫЙ.

Какъ сажа бѣла.

ПЕРВЫЙ.

Мы опять головы повѣсили. Не знаемъ, какъ намъ быть.

ТРЕТІЙ.

И я, какъ Князь Θедоръ Ивановичъ Мстиславскій, скажу, что ума приложить не могу.

ВТОРЫЙ.

Потѣшилъ ты насъ сначала, ободрились было и мы, а выходитъ не такъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да что же такое случилось особенное, что на васъ страхъ навело такой?

ПЕРВЫЙ.

Сколько Поляковъ-то наѣхало на свадьбу. Съ однимъ тестюшкой не одна тысяча. Я видѣлъ, какъ они изъ тѣлегъ выбирались. Сколько оружія всякаго, снаряду. Я спросилъ тутъ знакомаго Нѣмца: не ужели такъ у васъ на свадьбу ѣздятъ, съ оружіемъ. Нѣтъ, вишь, этого обыкновенія не бываетъ, а къ намъ только пожаловали этакъ.

ВТОРЫЙ.

А Нѣмцевъ-то еще сколько!

ПЕРВЫЙ.

Да наши стрѣльцы развѣ лучше? Они рады за него на ножъ. Когда имъ было житъ

так привольно и весело? какъ сыры въ маслѣ катаются.

ВТОРЫЙ.

Отъ добра добра не ищутъ.

ТРЕТІЙ.

На Бояръ надежда плоха. Всѣ притаили дыханіе послѣ того, какъ ты попалъ на плаху. А иные такъ и любятъ его.

ПЕРВЫЙ.

И-что сказать, кому жизнь надоѣла, кому охота. . . . .

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Въ народѣ болтаютъ, правда, про Царя всякую всячину, не возлюбили его больно, да что толку? — Вотъ хоть бы тогда, какъ тебѣ хотѣли голову рубить, народъ молчалъ; а любитъ тебя. Какая же тутъ надежда на него.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Такъ чтожъ намъ дѣлать?

ВТОРЫЙ.

Видно предаться въ волю Господню. Онъ милосердъ: не до конца прогнѣвается, ниже въ вѣкъ враждуетъ.

ПЕРВЫЙ.

Посмотримъ, что будетъ впередъ: до насъ вѣдь онъ не касается, сбрехнетъ иногда, ну да братъ на вороту не виснетъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Стало вы оробѣли совсѣмъ.

ПЕРВЫЙ.

Признаться, развѣ Богъ не взначай пошлетъ смѣлости. Не знаемъ какъ и быть. . .

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А вотъ какъ быть: перекрестясь, да въ Спасскія ворота. . . .

(Входятъ посадскіе люди и прочіе).

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вотъ кстати и всѣ собрались. Православные! я созвалъ васъ, чтобы вмѣстѣ посудить о великомъ земскомъ дѣлѣ.

СОТСКІЙ.

О чемъ изволишь батюшка, Князь Василій Ивановичь. Челомъ бьемъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Слушайте: вѣдь онъ дѣлаетъ дѣла, ни на что не похожія.

ПЕРВЫЙ КУПЕЦЪ.

Такъ батюшка, Князь Василій Ивановичь. Грѣха таить нечего.

ВТОРЫЙ.

Шила въ мѣшкѣ не укроешь.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вѣдь онъ наругается надъ нашею православною вѣрою.

ТРЕТІЙ.

Охъ! вымолвить страшно; я самъ видѣлъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вѣдь ужъ Поляки не только ходятъ сами въ наши церкви и тамъ безчинствуютъ, но ужъ водятъ съ собою и псовъ.

ПЕРВЫЙ.

Сами они псы смердящіе.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вѣдь нашихъ поповъ изъ Кремля выгоняютъ, а Латынскіе вездѣ ужъ тамъ поютъ обѣдни.

ВТОРЫЙ.

Латынская обѣдня надъ гробами Московскихъ Чудотворцевъ!

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Вѣдь Царь нашъ чествитъ только Поляковъ: какъ онъ сидѣлъ за брачнымъ обѣдомъ? Къ намъ спиною, а лицемъ къ нимъ. Только и словъ, что о Польшѣ. Тамъ только и есть умники, а мы здѣсь всѣ дураки, звѣри, какіе-то варвары; а Поляки-то смѣются, въ глаза намъ смѣются; — а въ народѣ что дѣлаютъ, съ хозяевами! у кого жена обезчещена, у кого дочь, сестра; кто убитъ, кто изувѣченъ, и суда нѣтъ никакого; дѣлаютъ что хотятъ, и всегда правы, а наши безъ вины виноваты. Правду ли я говорю?

КУПЕЦЪ

(почесываясь въ головѣ).

Такъ, истинно такъ. Что надъ сватомъ въ Таганкѣ сдѣлали — не дай Богъ надъ врагомъ такой бѣды. Удавился бѣдный съ горя.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Царица у насъ поганая, некрещеная, а вѣнчалась въ Успенскомъ соборѣ.

БОЯРИНЪ.

А передъ вѣнчаньемъ, что въ монастырѣ-то у нихъ дѣлалось, гдѣ она жила. Въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ почиваютъ наши Великія Княгини и Царицы. Всякій день и всякую ночь пляски, пѣсни, скоморошество. А намъ говорили, что она учится нашему закону.

ВТОРЫЙ.

Учится!

ПЕРВЫЙ.

Постится.

ВТОРЫЙ.

Надъ шелятиною.

К. ВАСИЛІЙ.

А вѣнчался когда онъ съ нею?

ПЕРВЫЙ.

На Николинъ день.

ВТОРЫЙ.

Николая Чудотворца онъ ни во что ставитъ.

ПЕРВЫЙ.

Да самому Богу когда онъ молится? когда свѣчу поставитъ?

ТРЕТІЙ.

Что тутъ говорить. Онъ и не ходитъ въ церковь совсѣмъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

У себя-то какъ живетъ онъ: ни разу не мылся въ банѣ съ поганою своей Царицей.

ПЕРВЫЙ.

А баню-то топятъ всякій день.

КУПЕЦЪ.

Зачѣмъ же они топятъ ее, безтолковые?

ПЕРВЫЙ.

Судите же, каковъ онъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Теперь погодите, это еще не все. Послушайте и вы, Бояре — эта новость и для васъ. Осьмнадцатаго числа онъ хочетъ сдѣлать потѣху, примѣрный бой: будто двѣ рати, одна у другой, хочетъ взять городъ, и въ этой потѣхѣ велитъ перебить всѣхъ Бояръ. Изъ Кремля по ночамъ начали ужъ вывозить туда пушки.

БОЯРЕ.

Не уже ли? что ты?

КУПЦЫ.

Царю нашъ небесный! Господи помилуй!

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Что же будетъ съ вами безъ Бояръ!

КУПЦЫ И ПОСАДСКІЕ.

Ахъ! пропали наши головушки.

БОЯРИНЪ.

Да. Намеднись онъ дѣлалъ тоже потѣху: велѣлъ намъ метать другъ въ друга снѣжными комьями, а Нѣмцы въ насъ посередкѣ пустили каменьями. У меня самаго глазъ подшибли.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какъ насъ перебьютъ, такъ за васъ заступиться будетъ некому. Всѣхъ васъ перекрестятъ, а крестители сатанинскіе уже готовы, дожидаются, и будете вы Нѣмцы безтолковые или Поляки шальные, и сломаетъ онъ наши православныя церкви, и повыбросаетъ онъ наши святыя мощи, и поставитъ онъ вездѣ Польскіе кастелы, и будетъ нашей святой вѣрѣ окончаніе и нашей святой Руси погибель: отдастъ онъ наше Царство Польскимъ Королямъ во владѣніе, а

васъ, братцы мои любезные, къ Польскимъ Шляхтичамъ въ неволю; а самъ съ остальною казною, и съ тою, что за наши тѣла и души возметъ, уѣдетъ въ чужіе краи жить, быть и веселиться. Хотите ли вы этого дождаться?

(Между Боярами слышанъ шумъ негодованія. Изъ Купцовъ и Посадскихъ одни плачутъ, другіе крестятся и стонутъ.)

ПЕРВЫЙ

(изъ Посадскихъ выступаетъ впередъ и кланяется.)

Все это такъ, батюшка ты нашъ Князь Василій Ивановичь, и вы всѣ наши отцы благодѣтели. Дай Богъ вамъ здравствовать. Сказали вы намъ сущую правду, и сами мы то же своими глупыми головами мѣкаемъ, да. . . . .

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да что же? За чѣмъ дѣло стало?

ПЕРВЫЙ.

Да вѣдь онъ Царь.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ. *Послѣ такого неожиданнаго возраженія заикается, и* ПОСАДСКІЙ *продолжаетъ:*

Онъ дѣлаетъ, что хочетъ. Онъ за это и отвѣчаетъ. На то есть видно воля Господня. Будемъ терпѣть, а Господь самъ, можетъ быть, какъ нибудь смилуется, глядя на наши слезы и терпѣнье.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какой же онъ Царь — онъ похититель. Мы знаемъ сами, что это грѣхъ бы: поднимали-ль мы руку на Ивана Васильевича, хотя терпѣть и больше доставалось. Это не сынъ его, а Самозванецъ, настоящій Полякъ или Казакъ.

ВТОРОЙ ПОСАДСКІЙ.

И намъ то же кажется, да вѣдь не совсѣмъ вѣрно. Можетъ быть да, а можетъ быть нѣтъ. Ну какъ-же — Царица инокиня назвала его своимъ сыномъ?

БОЯРИНЪ.

Со страху: подите спросите ее потихоньку.

КУПЕЦЪ.

А какъ къ ней пройдти?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Она мнѣ говорила; да я самъ не хуже ее знаю. — Не ужели вы мнѣ не вѣрите?

ПОСАДСКІЙ.

Какъ не вѣрить, ну да зачѣмъ же и ты поклонился ему въ Тулѣ, батюшка ты нашъ, Князь Василій Ивановичь.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не я одинъ, а всѣ мы вмѣстѣ, Бояре, къ нему поѣхали, и поклонились, чтобы спасти васъ всѣхъ и первопрестольный градъ отъ Польскаго разоренія. Онъ шелъ съ войскомъ, а у насъ что было, чѣмъ бы вы оборонились отъ него. — Приходилось кланяться. (*Купцы и Посадскіе молчатъ.*) Ратные же люди хотѣли черезъ него избавиться отъ Годуновыхъ. Вотъ чѣмъ народъ введенъ былъ въ соблазнъ и заблужденіе. — Да что грѣха таить, конечно была и наша вина. За то теперь въ раскаяніе приходимъ. — Вы помните, я думаю, что я тотчасъ подалъ голосъ и сталъ обличать Самозванца, какъ уразумѣлъ, къ чему ведетъ онъ народъ православный. — Вы видѣли голову мою на плахѣ?

ПОСАДСКІЙ.

Нечего, видѣли батюшка, Князь Василій Ивановичь, видѣли.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Жутковато, братцы, лежать на плахѣ. А я легъ. Что же, неужели зря, неужели не за правду? Такъ разсудите — одинъ я шолъ на него тогда! Богъ меня помиловалъ. Послѣ я увидѣлъ, что намъ лучше подняться сообща, чтобы не самимъ ложиться, а его положить на плаху. Вотъ я и созвалъ васъ. Хотите, или нѣтъ.

БОЯРИНЪ.

Постой Князь, Василій Ивановичь! спросимъ теперь и мы тебя. Чтожъ ты хочешь дѣлать? — Неужели пойти на него — у народа вѣдь только кулаки.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А у него и того нѣтъ. Нѣмцы живутъ далеко. Поляки разсыпаны по всему городу. Да и сколько ихъ всего на-все. Пять тысячь человѣкъ. Мы можемъ напасть врасплохъ. Лиха бѣда его схватить, а съ тѣми уже будетъ съ полагоря. Нынче на пиру всѣ набольшіе напьются доньяна, безъ всякаго сомнѣнія. И о другихъ я уже распорядился. Во дворцѣ стражей опять нѣтъ; тѣлохранителей воръ

отпустилъ, усыпленный нами, на радостяхъ послѣ свадьбы. Онъ почитаетъ себя внѣ всякой опасности и не принимаетъ никакой осторожности. Я велѣлъ своимъ холопьямъ собраться изъ помѣстьевъ. Много уже ихъ вчера пробралось въ городъ съ оружіемъ. Остальные теперь подходятъ. Князя Ивана Григорьевича люди всѣ готовы, у Ѳедора Алексѣевича тоже. Видите ли, что все дѣло улажено. Хорошо ли?

БОЯРИНЪ.

Ну, это все хорошо.

ВТОРЫЙ.

Коли такъ, такъ можно попытаться.

ТРЕТІЙ.

Ай Князь Василій Ивановичь! ну ужъ голова!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Мы готовы положить съ тобою головы. Идемъ. Удастся — хорошо; не удастся — мученическіе вѣнцы получимъ. Вѣдь и здѣсь житье не лучше.

(Въ нѣкоторыхъ также примѣтно согласіе.)

ВТОРЫЙ БОЯРИНЪ.

Идемъ. (*къ купцамъ*) Православные, слышите — это не Царь, это Самозванецъ, оборотень. Тутъ грѣха нѣтъ, а если есть какой, мы беремъ на себя, ну хотите ли?

ВСѢ БОЯРЕ.

Весь грѣхъ беремъ на себя.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Митрополитъ, Епископы, Священники говорятъ тоже. Вы увидите ихъ вмѣстѣ съ нами заодно.

КУПЕЦЪ.

Митрополитъ благословляетъ?

ВТОРОЙ.

Ну если и духовные.... Какъ вы братцы?

ТРЕТІЙ.

Съ ними можно.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пожалуй. Точно благословляетъ?

БОЯРИНЪ.

Благословляетъ точно.

ТРЕТІЙ.

На насъ грѣха не будетъ навѣрное?

БОЯРИНЪ.

Навѣрное не будетъ.

(Многіе показываютъ одобреніе.)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, благочестивые Христіане, стало такъ? За домъ Пресвятыя Богородицы, за Вѣру православную, за Русь нашу Святую!

Всѣ БОЯРЕ *восклицаютъ:*

За домъ Пресвятой Богородицы, за Вѣру православную, за Русь нашу святую!

КУПЦЫ И ПОСАДСКІЕ.

Вотъ наши головы. Ведите насъ куда хотите. Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать. А грѣхъ на васъ.

ПЕРВЫЙ БОЯРИНЪ.

Какъ же намъ начать дѣло, Князь Василій Ивановичь! Ты уже все чай устроилъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Дѣло устроено просто. Ночью, послѣ нынѣшняго пира, когда всѣ гости разойдутся и улягутся спать, — ударить въ набатъ у Ильи Пророка. Потомъ по всѣмъ церквамъ.

И весь народъ на площадь, къ Спасскимъ воротамъ. — На всякій случай кричать: Поляки губятъ Царя. У кого что есть, ружье, рогатина, топоръ, — неси съ собою. Тамъ соберемся мы, и во дворецъ. Все духомъ. Перебьемъ стражу, схватимъ злодѣя, допросимъ и духъ вонъ, а сами запоемъ: Тебѣ Бога хвалимъ.

БОЯРИНЪ.

Тебѣ Господа исповѣдуемъ.

ВСѢ *кричатъ*:

Тебѣ Бога хвалимъ!

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Такъ-ли?

ВСѢ.

Такъ, хорошо. Слушаемъ. Исполнимъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Теперь ступайте по домамъ и приготовляйтесь, приготовляйте по своимъ сотнямъ и улицамъ, какъ я вамъ растолковалъ. Прощайте — молитесь Богу.

КУПЦЫ И ПОСАДСКІЕ.

Прощайте, Князь Василій Ивановичъ! Господи, помоги намъ.

К. ШУЙСКІЙ (*къ Боярамъ*).

Пора собираться и намъ во дворецъ, на бѣсовское игрище. Ну, братцы, въ Божьихъ рукахъ мы, — но, кажется, успѣхъ вѣренъ. Смотрите, будьте на пиру тише воды, ниже травы, чтобъ воръ не получилъ никакого подозрѣнія.

ПЕРВЫЙ БОЯРИНЪ.

Какъ до него или до Басманова дойдутъ вѣсти. Нельзя въ такомъ множествѣ. . . .

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Но времени ему мало. Въ скорости — вотъ наше спасеніе. Что объ этомъ думать. Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Прощайте покуда.

БОЯРЕ.

Прощай Князь Василій Ивановичъ! Идемъ мы за тобою — куда ты приведешь насъ?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И смерть на людяхъ красна. — Богъ милостивъ. Прощайте. Смѣлѣе!

(*Бояре уходятъ, Шуйскій остается съ своими первыми сообщниками.*)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну братцы! все ладно. Теперь пойдемъ вмѣстѣ на званый пиръ. Вы отъ меня не от-

рыхъ владѣтельныхъ князей Германской имперіи, особенно Баварскаго курфирста. Вѣнскій дворъ требовалъ, чтобы Русскія войска обезоружили Баварцевъ. Наконецъ, Императоръ Францъ просилъ Императора Павла назначить Суворова главнокомандующимъ союзною арміей въ Италіи. Вѣнскій дворъ съ большою робостью начиналъ войну съ Франціею, и не рѣшался довѣрить главнаго начальства надъ войскомъ одному изъ Австрійскихъ генераловъ.—Императоръ Павелъ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ Вѣнскаго двора. Вотъ что доносилъ по этому поводу Русскій посланникъ въ Вѣнѣ графъ Разумовскій:

„Не смѣю распространяться о благодарности и удивленіи, возбужденныхъ здѣсь извѣстіемъ о сильной помощи, подаваемой Вашимъ Величествомъ Австріи; но долгомъ почитаю донести, что *только на Вашемъ заступленіи основывается надежда Вѣнскаго двора* возстановить въ Германіи единство дѣйствія, необходимое успѣху предстоящей войны, долженствующей рѣшить участь всѣхъ государствъ.“ *)

Императоръ Павелъ согласился также на просьбу Вѣнскаго двора назначить Суворова главнокомандующимъ союзною арміею въ Италіи. «При восшествіи Императора Павла на престолъ», говоритъ генералъ-лейтенантъ Михайловскій-Данилевскій, которому принадлежитъ первая часть «Исторіи Войны», «генералъ-фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій былъ начальникомъ Ека-

---

*) Донесеніе отъ 27-го февраля 1799 г. т. I ч. 1. стр. 124—125 и ч. 2, прил. 13.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

ПОЛЬСКОЙ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ

(уставляя музыкантовъ и пѣсенниковъ).

Вы всѣ голосовые сюда! Сколько васъ?

МУЗЫКАНТЪ.

Тридцать два человѣка.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Смотрите жъ — не жалѣйте горла. Надо потѣшить добраго Царя, нашу Панну Марину и Польскихъ Господъ! Выбирайте пѣсни повеселѣе, громче. — Вы, литавры, ступайте въ тотъ уголъ. Трубачи, сюда, барабаны, флейты. Постарайтесь ребята! Что ни есть силы. — Тамъ за дверью есть чѣмъ перемочить горло. — А вотъ ужъ и собираются Московскія пугалы.

(Нѣсколько Бояръ входятъ съ женами, и у дверей останавливаются въ недоумѣніи.)

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ.

Ну что стали на дорогѣ! Расходитесь по стѣнкамъ.

ПЕРВЫЙ БОЯРИНЪ.

Экой свѣтъ! Экой блескъ! Глазамъ больно!

ВТОРЫЙ.

Огней - то сколько! Огней! И кружки и чашки горятъ. Ночь свѣтлѣе дня.

ПЕРВЫЙ.

Чтоже намъ дѣлать! вѣдь сѣсть въ самомъ дѣлѣ не на чемъ.

ВТОРЫЙ.

Чтоже это за праздникъ такой?

ПЕРВЫЙ.

Неужели и впрямь по стѣнкамъ становиться?

ВТОРЫЙ.

Дѣлать нечего, станемъ. Можетъ быть такъ надо.

(Становятся.)

ПЕРВЫЙ.

Трубачи-то, трубачи какіе нарядные. А трубы неужели всѣ золотыя.

ВТОРЫЙ.

Какъ жаръ горятъ. Платья-то какія!

(Входитъ Басмановъ)

БАСМАНОВЪ.

Желаю здравствовать Князь Дмитрій Ивановичь, Князь Тимоѳей Григорьевичь. Что вы хотите дѣлать?

БОЯРИНЪ.

Здравствуй Петръ Ѳедоровичь! — вотъ какой-то, стольникъ что ли онъ вашъ, велѣлъ намъ всѣмъ становиться по стѣнкамъ.

БАСМАНОВЪ

Какъ по стѣнкамъ? Онъ вѣрно пошутилъ съ вами.

ВТОРЫЙ.

Кто его знаетъ. Мы думали здѣсь учрежденье такое, чтобъ не помѣшать кому. . .

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, — вотъ я проучу его. Государь нашъ, Дмитрій Ивановичь, хочетъ нынче повеселиться на иностранный ладъ, какъ въ другихъ странахъ Цари и ихъ Бояре забавляются.

ПЕРВЫЙ.

Охъ Петръ Ѳедоровичь! намъ и безъ того весело. Что перенимать бы отъ бусурмановъ.

ВТОРЫЙ.

Ну да если нашему батюшкѣ такъ угодно, то почему его и не потѣшить. Разскажи же Петръ Ѳедоровичь, какого рода эта потѣха бываетъ, чтобъ еще какой постреcлъ не поднялъ насъ на-смѣхъ.

(Входятъ Польскіе паны съ шумомъ и крикомъ и разходятся по комнатамъ, разкланиваясь между собою и Басмановымъ.)

ПЕРВЫЙ.

Они не по-нашему, знаютъ гдѣ стать.

БАСМАНОВЪ.

Вотъ видите — всѣ гости надѣваютъ на лице личины и приходятъ такъ плясать.

ВТОРЫЙ.

И Цари личины надѣваютъ?

БАСМАНОВЪ.

Всѣ, всѣ, — тутъ всѣ равны, въ томъ-то и веселье. Придетъ иной разговаривать, а не знаешь кто; скажешь иное Боярину, какъ холопу. Другъ друга не узнаютъ, шутятъ, насмѣхаются, и отъ того происходитъ великое веселье.

ТРЕТІЙ.

Ну хорошо — я не узнаю никого; надо мной будутъ смѣяться, такъ мнѣ досадно будетъ. Откуда же веселье-то произойдетъ. Вѣдь это все обманъ.

(Поляки, прислушиваясь къ ихъ разговору, начинаютъ смѣяться между собою.)

ПЕРВЫЙ.

Какіе невѣжи, ничего не понимаютъ!

БАСМАНОВЪ.

Обманъ, отъ котораго вреда нѣтъ никакого.

ВТОРЫЙ.

А польза есть какая же?

БАСМАНОВЪ.

Не польза, а веселье.

ТРЕТІЙ.

Ты знаешь, Петръ Ѳедоровичъ, тебѣ и книги въ руки, а мы такъ ничего не понимаемъ. Что-то будетъ посмотримъ. Можетъ быть и хорошо.

(Басмановъ отходитъ къ Полякамъ. Бояре начинаютъ разговаривать между собою, а

жены ихъ молчатъ, потупивъ глаза. Поляки подходятъ къ нимъ.)

ПОЛЯКЪ.

Ну, что же вы все молчите?

(Боярыни кланяются).

Да поднимите головы повыше, посмотрите на насъ.

(Онѣ поднимаютъ головы и опять опускаютъ.)

Разсмѣйтесь.

(Онѣ улыбаются. Поляки хохочутъ и отходятъ прочь. Бояре подходятъ и ворчатъ на нихъ).

БОЯРИНЪ.

Зачѣмъ вы ихъ слушаетесь?

БОЯРЫНЯ.

Вы сами такъ наказывали.

ВТОРЫЙ *(къ Полякамъ).*

Вы паны нашихъ женъ не трогайте. Это не хорошо.

ПОЛЯКИ.

Намъ Царь позволилъ веселиться.

БОЯРИНЪ.

А намъ развѣ плакать.

ПОЛЯКИ.

Плачьте, если хотите.

Шумъ и восклицанія: Царь идетъ, Царь идетъ.

(Музыка начинаетъ гремѣть во всѣхъ углахъ. Русскіе Бояре хотятъ къ нему на встрѣчу. Поляки ихъ отталкиваютъ).

Посторопитесь — ваше мѣсто назади.

ПЕРВЫЙ.

Желаемъ здравствовать Державному Государю, Димитрію и Державной Государынѣ, Панѣ Маринѣ. По зову вашему мы пришли пировать у васъ пиръ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Милости просимъ, дорогіе мои гости! музыканты! народовый танецъ!

Между тѣмъ нѣкоторые БОЯРЕ *между собою:*

Въ какомъ платьѣ Царь! я не узналъ его.

(Паны выбираютъ Полекъ изъ свиты Марины).

ПОЛЯКЪ.

Ну и вы беритесь за руки, и ходите за нами.

БОЯРИНЪ.

Мы не смѣемъ безъ приказу. (*Становятся къ сторонѣ.*)

САМОЗВАНЕЦЪ;

(*сдѣлавъ кругъ, на поворотѣ видитъ ихъ и говоритъ смѣясь*):

А вы чтожъ! за нами! веселѣе!

БОЯРЕ *берутъ каждый свою жену и приготовляются идти.*

САМОЗВАНЕЦЪ (*останавливаясь*).

Берите чужихъ женъ, чужихъ женъ.

БОЯРЕ (*въ полголоса*).

На что же намъ чужихъ женъ: у насъ свои хороши.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Слышите — чужихъ женъ.

БОЯРЕ *разходятся въ великомъ замѣшательствѣ, одни крестятся, другіе тихонько отплевываются, кланяются и берутъ только краями пальцевъ, предупреждая:*

Царь Государь приказалъ . . . .

САМОЗВАНЕЦЪ

Молча, безъ поклоновъ, а поклонитесь, когда приведете ихъ опять на мѣсто (*начинаютъ опять ходить*).

ВЪ ПЕРВОЙ ПАРѢ ДАМА.

Какіе медвѣди, дикобразы.

КАВАЛЕРЪ.

Нѣтъ — какъ называются въ Запущанскомъ лѣсу — буйволы.

ВО ВТОРОЙ ПАРѢ КАВАЛЕРЪ.

Посмотрите — они чуть выступаютъ, боятся смотрѣть другъ на друга.

ДАМА,

Думала ли я танцовать въ звѣринцѣ!

ВЪ ТРЕТЬЕЙ ПАРѢ ДАМА.

Отъ чего они такъ странны?

КАВАЛЕРЪ.

Отъ чего вы такъ умны!

САМОЗВАНЕЦЪ (*обошедъ кругъ*)

Теперь перемѣняемся дамами. (*Едва удерживаясь отъ смѣха*) Паны! прошу васъ сдѣлать честь нашимъ Московскимъ дамамъ.

(Громкой хохотъ. Поляки, поглядывая на своихъ дамъ, идутъ къ Русскимъ, и берутъ ихъ среди разныхъ шалостей — кто съ униженiемъ, кто съ дерзостiю, тѣ подаютъ правыя руки вмѣсто лѣвыхъ).

А вы Бояре возмите благородныхъ Полекъ.

(Смѣшная сцена).

САМОЗВАНЕЦЪ, *(хохочущiй съ Мариною).*

Ну вотъ веселитесь такъ! *(уходитъ).*

(Поляки становятся безъ него наглѣе, повертываютъ Боярынь и пр. Басмановъ ихъ уговариваетъ. Между тѣмъ приносятъ вина и всякiя закуски. Басманова вызываетъ Нѣмецкiй Капитанъ.)

МНИШЕКЪ *(къ Шуйскому и прочимъ Боярамъ старшимъ).*

Полноте, Бояре, вы чай устали. Гдѣ намъ поспѣть за молодежью. Сядемъ-те здѣсь, а я васъ потподчую винцемъ завѣтнымъ изъ Сендомирскаго моего погреба. Стольтнее.

БОЯРЕ.

Ахъ батюшка ты нашъ, спасибо тебѣ, освободилъ изъ неволи. Замучились. Да гдѣжъ намъ сѣсть?

МНИШЕКЪ.

Сей часъ принесутъ. Гей! поскорѣе лавокъ!

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ,

(принимавшій доселѣ участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ).

Эку забаву вздумалъ намъ сдѣлать Царь Государь — благодаримъ его. Онъ роду не видывали мы такаго игрища.

(Самозванецъ входитъ съ Мариною, въ другихъ платьяхъ и маскахъ).

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Это кто такой нарядный?

МНИШЕКЪ.

Это Царь.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ахъ батюшки! какъ онъ скоро переодѣлся! (*къ своимъ*) Царь! Царь! вставайте!

(Бояре поднимаются.)

МНИШЕКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не вставайте, коли не хотите. Теперь онъ въ маскѣ. Можно вѣдь и не узнать его.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Музыканты! веселѣе! мазурку!

Всѣ **ПОЛЯКИ** *кричатъ:*

Ахъ мазурку! мазурку!

(Тѣснятся въ кружокъ, выбираютъ пары и начинаютъ танецъ).

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ

(къ Мнишку).

Хочу я попросить тебя батюшко, Юрій, какъ васъ по отчеству чествуютъ, ясновельможный Пане, не знаю, объ одномъ дѣльцѣ — вѣдь ты Государю-то нашему тесть, словно отецъ родной, сдѣлаешь все, что захочешь...

МНИШЕКЪ *(расправляя усы).*

Проси, проси. Все сдѣлаю.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Есть у меня сватъ. Онъ сосланъ по тому дѣлу, гдѣ и я грѣшный попался, въ Галичь. Нельзя ли воротить его оттуда на службу, а онъ вѣкъ будетъ за тебя молить Бога, съ ребятишками. (*Кланяется.*)

К. СИЦКІЙ *(тихо ему).*

Да полно морочить-то.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Молчи.

МНИШЕКЪ (*подумавъ*):

Хорошо, я поговорю съ зятемъ. Надѣйся.

(*Шуйскій, поклонившись ему нѣсколько разъ, отходитъ въ сторону, подзываетъ двухъ своихъ сообщниковъ, и начинаетъ съ ними ходить по разнымъ комнатамъ между танцующими*).

Среди Мазурки БАСМАНОВЪ *подходитъ къ Самозванцу и говоритъ ему на ухо:*

Открытъ заговоръ противъ тебя. . .

САМОЗВАНЕЦЪ,

(*которому должно оборачивать даму*).

Вздоръ! — Музыканты! громче! (*Дѣлаетъ свою фигуру.*)

БАСМАНОВЪ.

Вотъ донесеніе.

САМОЗВАНЕЦЪ

(*положивъ бумагу въ карманъ*).

Я прочту! — Живѣе! веселѣе! по-Варшавски.

ПОЛЯКИ

(*кричатъ и хлопаютъ въ ладони*).

Живѣе! веселѣе! по-Варшавски.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Вотъ такъ! громче! тысячу злотыхъ музыкантамъ. Трубы! литавры!

МУЗЫКАНТЫ.

Виват!

(Шум и гром.)

БАСМАНОВ (*к Самозванцу*).

Князь Василий Шуйский с братьями, Спцкий, Булгаков в заговоре. Ныне они хотят. . .

САМОЗВАНЕЦ.

Что ты мелишь. Они все здесь. Видишь, как они пьют со старым балагуром нашим. — Песенники! Гаркните громче. Не отставайте от музыкантов.

БАСМАНОВ.

Боже мой! он ничего не хочет слышать.

МАРИНА (*к Самозванцу*).

Ах друг мой! как ты умеешь доставлять мне удовольствие.

(*К Басманову подходит кто-то*).

САМОЗВАНЕЦ.

Марина! Марина! что я не готов сделать для тебя. — Барабаны! что вы замолчали?

БАСМАНОВ.

Пойман один. . . Здесь.

САМОЗВАНЕЦЪ

(къ стоящимъ близко Трубецкому и Сицкому).

Распросите его, что такое. — Господа! веселѣе! Крайчіе! вина!

ДВОЕ БОЯРЪ *(подходя).*

Просимъ тебя, Великій Государь — позволь нашимъ женамъ перевесть дыханіе, присѣсть на лавочки. Такъ ихъ завертѣли, что имъ упасть приходится.

САМОЗВАНЕЦЪ

Хорошо, хорошо. Ну весело ли вамъ?

БОЯРЕ.

Благодаримъ тебя, Великій Государь. Этого веселья мы и во снѣ не видывали.

САМОЗВАНЕЦЪ

(кончивъ Мазурку).

Господа! Благодарю васъ! Такой мазурки, я думаю, не осталось теперь и въ Варшавѣ. — Моя молодая внѣ себя отъ удовольствія. — Продолжайте, еще! Спрашивайте чего вамъ угодно. Крайчіе! Ничего не жалѣйте! чтобъ гости были довольны. *(Уходятъ.)*

(Поляки начинаютъ новые танцы, а Русскіе на нихъ смотрятъ).

К. ШУЙСКІЙ

(ходитъ съ своими сообщниками и указываетъ имъ на разныя лица, приговаривая тихо):

Это Воевода Сендомирскій! Это посолъ Олесницкій! Это Бучинскій, Секретарь его, это Тарло... этого убить.... этого связать и спрятать подальше.... связать... убить... убить... убить и этого. . .

СООБЩНИКИ.

Но это нашъ. . . Князь . . .

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Дуракъ! Развѣ я не вижу. — И этого... (*скрывается вдали.*)

(Самозванецъ показывается съ Мариною еще въ новомъ платьѣ, но уже безъ маски.)

БОЯРЕ.

Это опять Царь.

ВТОРЫЙ.

Да это обморокъ какой-то, нечего и говорить.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я хочу потѣшить еще моихъ Бояръ. Польскихъ пѣсенъ! Польскихъ пѣсенъ! Слушайте, слушайте всѣ!

(Пѣсенники гремятъ. Всѣ собираются въ кружокъ слушать ихъ. Полякиразличнымъ образомъ изъявляютъ свое удовольствіе.)

Браво! браво! тысячу злотыхъ. Браво!

СИЦКОЙ И ТРУБЕЦКОЙ *(подходя къ нему)*.

Поймали какого-то пьяницу. Мы приговорили завтра высѣчь его батогами.

САМОЗВАНЕЦЪ

(по окончаніи пѣнія).

И дѣльно. *(къ Басманову.)* Вотъ видишь. Бояре! теперь вы потѣшьте Пановъ. Русскія пляски — и веселью конецъ, до другаго воскресенья.

БОЯРИНЪ *(тихо)*.

Послѣдняго.

(Боярыни отказываются одна послѣ другой.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну что же — будьте учтивѣе.

(Одна пара выходитъ и пляшетъ.)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ

(къ своимъ тихо).

Этого не спускайте съ глазъ. Всего важнѣе.

СООБЩНИКИ.

А кто же самого-то? —

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Кому случится.

СООБЩНИКИ.

Однако не мѣшало бы назначить на всякой случай. . .

(Продолженія не слыхать).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Теперь нѣсколько паръ вмѣстѣ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Или мнѣ потѣшить батюшку нашего Царя на старости лѣтъ. Ну-ка молодая невѣста.

(Начинается Русская пляска въ нѣсколько паръ.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Славно! славно! спасибо! Намѣстникъ Казанской. — Дмитрій Ивановичь — Костромской. — Удружилъ.

К. ВАИСЛІЙ ШУЙСКІЙ (*тихо*).

Вотъ я удружу тебя! (*вслухъ*) Хороводомъ! хороводомъ!

ПОЛЯКИ.

Это въ самомъ дѣлѣ не дурно! ахъ медвѣди! каковы они!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Браво! браво!

(*Пляска оканчивается*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Маршъ! всѣ вдругъ. Громче! громче. Для конца . . . . браво! браво! (*по окончаніи марша*). Благодарю всѣхъ моихъ любезныхъ гостей! Благодарю. Прошу жаловать и впередъ. Благодарю. Прощайте. Прощайте! Батюшка! добрая ночь!

БАСМАНОВЪ.

Выслушай хоть теперь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Пошелъ ну къ черту. Марина! другъ мой! идемъ. . .

(Раскланиваются и уходятъ.)

БОЯРЕ *(между собою)*.

Домой! домой! устали!
Голова кругомъ, въ ушахъ звенитъ.
Скоморохи проклятые!

(Расходятся. Шумъ и крикъ.)

ПОЛЯКЪ.

Вина! вина! *(къ Боярамъ)* Что же вы не хотите погулять съ нами еще?

ВТОРЫЙ.

Оставьте намъ хоть вотъ эту.

ТРЕТІЙ.

Вотъ эту.

(Удерживаютъ нѣкоторыхъ молодыхъ женщинъ. Мужья не даютъ. Пьяные обнажа-

ютъ палаши. Драка. Иные убѣгаютъ. Басмановъ приходитъ и примиряетъ.)

БАСМАНОВЪ.

Полноте, господа. (*про себя, съ досадою,*) И здѣсь нельзя оставить. Что мнѣ дѣлать. Не на кого положиться. (*Вслухъ*) Не трогайте ихъ. Садитесь-ка лучше, я велю подать столы, да выпьемъ-те винца получше за здравіе Царя. (*уходитъ.*)

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ,

(какъ будто чего-то ищетъ, своимъ сообщникамъ).

Смотрите-жъ не ошибитесь. — Съ краю.— Этому карачунъ, по серединѣ связать, на право убить, убить.

СООБЩНИКИ.

Небось, небось, не ошибемся. — А прочихъ?

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну! тѣхъ какъ хотите. (*Къ Полякамъ, которые сѣли за принесенный имъ столъ*). Прощайте, господа! Желаю вамъ веселиться. — Дайте-ка я выпью еще за ваше здоровье. (*Пьетъ*) Ого, да за какимъ вы сидите вин-

цомъ. Этого не грѣхъ и еще сулеечку — за здоровье храбраго Польскаго народа!

ПОЛЯКИ.

О! очень рады, очень рады. Просимъ покорно. Вы славный Бояринъ. Вы любите Поляковъ, не такъ какъ другіе ваши соотечественники.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какъ же! какъ же! (*пьетъ.*)

Вдругъ прибѣгаетъ одинъ ПОЛЯКЪ.

Братцы! выручайте! (*Шуйскій остается слушать*).

ВСѢ.

Что такое? Что такое?

ПОЛЯКЪ.

Панъ Тарло остановилъ возокъ, хотѣлъ выхватить оттуда ту... красавицу... Москаль не даетъ. — Драка.. къ нему пришли на помощь. Нашихъ меньше. — Ихъ бьютъ. —

ПОЛЯКИ

(*выбѣгаютъ изъ-за стола съ шумомъ и обнажаютъ сабли*).

Какъ нашихъ бьютъ! Ахъ злодѣи! Вотъ мы ихъ!

(Уходятъ).

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ

(вслѣдъ за ними).

Разбойники! Бушуйте — въ послѣдній разъ!

V.

КОМНАТА ПОДЛѢ СПАЛЬНИ ЦАРСКОЙ.

НОЧЬ.

САМОЗВАНЕЦЪ,

(въ казакинѣ выходитъ изъ боковыхъ дверей и кличетъ въ противуположныхъ).

Басмановъ! Басмановъ!

БАСМАНОВЪ.

Ась!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Встань, братъ, пожалуй-ста, поди сюда.

БАСМАНОВЪ.

Сей часъ. Чего тебѣ надо?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что-то не спится мнѣ. Тоска. (*Басмановъ входитъ*). Я не знаю, что со мною дѣлается. Сердце щемитъ, мочи нѣтъ.

БАСМАНОВЪ.

Вѣрно со вчерашняго праздника, отъ шума и крика. И у меня звенитъ въ ушахъ. Можетъ быть съѣлъ, или выпилъ лишнее.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да развѣ это въ первый разъ. Нѣтъ, что нибудь другое. Ахъ какая тоска. Много ли осталось ночи?

БАСМАНОВЪ.

Я думаю сей-часъ будетъ разсвѣтать.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Отвори окно, не лучше ли я освѣжуся.

БАСМАНОВЪ (*отворяетъ*).

Ай, ай, какая стужа понесла. (*Смотритъ*). Батюшки мои! морозъ, и долженъ быть прежестокой. Вотъ тебѣ на, въ Іюнѣ. Все побѣлѣло. Нельзя. (*Опять затворяетъ*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я думалъ все о своихъ молодыхъ годахъ, объ этой встрѣчѣ, объ этомъ разговорѣ. А надо согласиться чудная жизнь. Какая-то смерть будетъ! Что за шумъ былъ вчера?

БАСМАНОВЪ.

Все Поляки. Начали было съ-пьяну хватать изъ возковъ молодыхъ Боярынь. Насилу я рознялъ. Ихъ надо проводить поскорѣе от-

сюда. Съ ними не доживемъ мы до добра. И что за народъ - буянъ какой. Такъ и лезетъ на задоръ, изъ ничего. Бояре шипятъ, хотя и прячутъ свои жала, я вижу.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Какъ они смѣшны были вчера, танцуя съ польскими дамами. Берутъ за руку, какъ за желѣзо горячее.

БАСМАНОВЪ.

Они смѣшны, но не совсѣмъ; ты не знаешь еще ихъ, какъ они хитры.

САМОЗВАНЕЦЪ.

За что же имъ злиться на меня? Я ихъ не казню, не вѣшаю, работать не заставляю, деньгами осыпаю, — чего имъ больше?

БАСМАНОВЪ.

Одна ложка дегтю портитъ кадку меду. Всѣмъ бы ты былъ хорошъ, еслибъ умѣлъ держать себя поприличнѣе, и скрывалъ дѣла, противныя ихъ образу мыслей.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Это ничего, что имъ до этого за дѣло. Я живу какъ хочу, они живутъ какъ хотятъ.

БАСМАНОВЪ.

Правда твоя; но люди злонамѣренные могутъ воспользоваться нѣкоторыми твоими поступками, растолковать ихъ въ худую сторону. Они вѣдь знаютъ, что ты не сынъ Царя Ивана Васильевича, и досадуютъ, что престолъ достался не кому либо изъ нихъ; всякой вѣрно думаетъ попытать счастія. Шуйскій. . . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Шуйскій всѣхъ меньше. Онъ пляшетъ по моей дудкѣ.

БАСМАНОВЪ.

Да, вчера. Потому-то я и боюсь его, что онъ опять сталъ слишкомъ угождать тебѣ. Вчерашнія темныя извѣстія о заговорѣ не выходятъ изъ головы у меня. Я хотѣлъ было укрѣпить весь Кремль, разставить вездѣ стражу. Но не было возможности. Капитаны были всѣ пьянехоньки. Самому нельзя было оторваться изъ дворца, чтобъ не оставить Поляковъ на свободѣ, а посланные не могли уговорить Нѣмцевъ придти сюда. И тамъ вездѣ были попойки.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О другъ мой! какъ ты любишь меня.

БАСМАНОВЪ.

Лишь бы только прошла эта ночь. Завтра я разыщу все дѣло, и приготовлюсь такъ.... Но слушайся меня, отпусти скорѣе Поляковъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да, да. Мы отправимся всѣ вмѣстѣ въ походъ на Турокъ. Здѣсь оставимъ Бояръ управлять и ссориться. Поляки пригодятся. Возмемъ Запорожцевъ, Донцевъ, нагрянемъ на Азовъ, и въ Царьградъ! А все это возможно и даже легко! — Московской престолъ завоевать было гораздо труднѣе. А вотъ завоевалъ же. И съ чѣмъ? — Съ чужимъ, съ младенческимъ имецемъ. Какая слава ожидаетъ меня во всей Европѣ! Всѣ западные Государи должны будутъ признать меня своимъ благодѣтелемъ, и уступить титулъ Императора. И послѣ того какъ я возвращусь изъ этого знаменитаго похода, прошедъ столько земель, взявъ столько городовъ, одержавъ столько побѣдъ, поразивъ такого врага, ведя за собою столько плѣнныхъ, везя такую добычу — эти грубые Москали упадутъ къ ногамъ моимъ, и непосмѣютъ смотрѣть на меня прямо

не только замышлять что нибудь злое. Я буду царствовать и наслаждаться, — как прелестна моя Марина. — Да нѣтъ, я не останусь здѣсь. Что намъ здѣсь будетъ дѣлать. — Почему же не жить мнѣ въ Царьградѣ. Въ Царьградѣ! Димитрій — но я скину это чужое имя. Съ гордостію я скажу свое, и весь свѣтъ мнѣ поклонится. А хочется, хочется мнѣ поскорѣе поскакать по широкому раздолью, помахать руками, порубиться саблями, потревожиться, отереть кроваваго пота, добыть военной славы! — Ахъ скоро ли ударитъ часъ мой?

(Слышенъ набатъ)

БАСМАНОВЪ *(вслушиваясь)*.

Что такое? —

(Подходитъ къ окну)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Видишь что нибудь?

БАСМАНОВЪ.

Ничего невидать. Набатъ въ дали. Но у меня упало сердце.

(Набатъ увеличивается)

САМОЗВАНЕЦЪ

Не пожаръ ли гдѣ? Пошли узнать скорѣе.

(Басмановъ уходитъ).

САМОЗВАНЕЦЪ *(подойдя къ окну).*

Зарева не видать здѣсь. Что такое значитъ? — Какъ непріятна бываетъ иногда незначущая мѣлочь. Пойду. Не проснулась ли моя Марина. Не испугалась ли она. *(Уходитъ.)*

ЛОБНОЕ МѢСТО.

Набатъ постепенно распространяется.

МОНАХЪ,

(зажигаетъ фонарь предъ образомъ на Спасскихъ воротахъ.)

Что за набатъ слышится! Эки времена, ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою! *(Народъ сбѣгается мало по малу къ Лобному мѣсту.)* Холодъ какой! Заспался я на зарѣ и фонарь погасъ. Да вѣдь не дали уснуть ни съ вечера, ни ночью. Ѣзда взадъ и впередъ. *(Поднявъ фонарь и оборотясь къ Лобному мѣсту).* Что это! народъ сбѣгается. *(Смотритъ на всѣ стороны, между тѣмъ колокола звонятъ ужъ вездѣ. Народъ все сбѣгается больше

и больше. Крикъ). Господи! ну, что нибудь не даровое затѣвается. Какой стонъ стоитъ. Сколько народу! и всѣ съ оружіемъ. Чего они хотятъ. (*Посмотрѣвъ на нихъ, становится на колѣни передъ воротами*). Владычица небесная! благослови ихъ, коли они замышляютъ что во славу твоего имени, отечеству любезному на пользу — порази, коли не такъ. Господи прости наши великія прегрѣшенія, не вѣдаемъ мы, что творимъ!

Въ **НАРОДѢ** *крики.*

Что такое, что такое? Поляки рѣжутъ Царя. Гдѣ? какъ? Такъ чтожъ! туда и дорога. Молчи. И мы поможемъ. — Что же наши! Всѣ бѣгутъ. Сюда! сюда! всѣ сюда! — Ну вотъ! скорѣй! скорѣй! Довольно ли насъ? Довольно. Такъ что жъ зѣвать, ребята! (*Бѣгутъ въ Спасскія ворота*).

НѢКОТОРЫЕ *кричатъ.*

Стой, стой, погодите! Бояре ѣдутъ! Бояре ѣдутъ. Они укажутъ.

(*Толпа останавливается. Показывается Князь Василій Шуйскій, равно какъ и другіе Бояре, прежде и послѣ*).

Крикъ въ **НАРОДѢ.**

мой Германіи герцогъ Виртембергскій и курфирстъ Баварскій, которые сначала держали сторону Франціи, теперь искали покровительства Императора Павла, какъ самаго безкорыстнаго и прямодушнаго дѣятеля въ пользу монархической Европы. Они знали, что Вѣнскій кабинетъ имѣетъ въ виду различныя пріобрѣтенія и готовъ при случаѣ обезоружить ихъ. Императоръ Павелъ оказывалъ прямое покровительство государствамъ второстепеннымъ, не имѣвшимъ довольно самостоятельности для борьбы съ Франціею, и для огражденія себя отъ замысловъ Австріи. Курфирстъ Баварскій и герцогъ Виртембергскій отдались подъ покровительство Императора Павла и пристали къ союзу противъ Франціи. Въ замѣнъ неудачи въ южной Германіи, Австрія рѣшилась вознаградить себя пріобрѣтеніями въ Италіи. Когда Суворовъ овладѣлъ Піемонтомъ, Вѣнскій кабинетъ рѣшительно воспротивился возвращенію изгнаннаго Французами Короля Сардинскаго, подъ тѣмъ предлогомъ, «что его присутствіе было бы сопряжено съ величайшими непріятностями и затрудненіями.» Не подозрѣвая этого, и приготовляясь возвратиться въ Піемонтъ, Король Сардинскій назначилъ пока графа С. Андре намѣстникомъ королевства. Но въ отвѣтъ на донесеніе Суворова объ этомъ назначеніи и предположеніи намѣстника о сборѣ Піемонтскихъ войскъ и милицій, Императоръ Францъ писалъ ему:

«Не могу понять, какимъ образомъ Король Сардинскій считаетъ себя въ правѣ *безъ Моего*

проклятаго злодѣя! смерть еретику! смерть Полякамъ! впередъ!

ВСѢ *кричатъ:*

Впередъ! смерть Полякамъ! смерть разстригѣ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ,

(сходя съ Лобнаго мѣста).

Пропустите жъ меня впередъ. Я помолюсь въ часовнѣ и приложусь къ образу Божіей Матери за всѣхъ за васъ. Пусть помолится Она за наше дѣло! *(Идетъ въ часовню предъ Спасскими воротами).*

РАЗНЫЕ КРИКИ ВЪ НАРОДѢ.

Скорѣй! скорѣй! стереть съ лица земли злодѣя. Вотъ святая душа! безъ Бога ни на часъ.

К. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ

(выходитъ держа въ одной рукѣ мечь, а въ другой крестъ).

Православные! съ Богомъ! за мной.

(Въѣзжаетъ въ Спасскія ворота. Всѣ за нимъ съ крикомъ).

Смерть злодѣю! смерть злодѣю!

ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА.

САМОЗВАНЕЦЪ *(у окна встревоженный).*

Набатъ по всему городу. Въ Кремлѣ не видать ни человѣка.

БАСМАНОВЪ *(приходитъ).*

Гонцы воротились — ворота всѣ заперты.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Какъ заперты. Что это значитъ?

БАСМАНОВЪ.

Что! ты видишь.. бунтъ, я гово. . .

САМОЗВАНЕЦЪ:

Сколько здѣсь тѣлохранителей?

БАСМАНОВЪ.

Мало. Я разставилъ ихъ по входамъ. Бери палашъ и готовься. . .

САМОЗВАНЕЦЪ *(въ ужасѣ).*

Послать къ тестю, къ Олесницкому, къ Вишневецкому. Звать ихъ всѣхъ сюда.

БАСМАНОВЪ.

Да какъ къ нимъ дойдешь. (*Уходитъ*).

МАРИНА (*вбѣгаетъ испуганная*).

Боже мой! что сдѣлалось. Какой звонъ. Говорятъ. . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ничего, ничего.

МАРИНА.

Но ты съ палашемъ. . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Такъ. Басмановъ сказалъ. Поди, поди къ себѣ. (*Провожаетъ ее*).

БАСМАНОВЪ (*вбѣгаетъ*).

Весь Кремль наполненъ народомъ. Бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, вооруженные. (*Подходитъ къ окошку*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нашихъ нѣту! Не подоспѣютъ ли они сами! Надо спасать Марину. Выиграть время. Спроси ихъ чего они хотятъ. Ахъ! Боже мой! Я не ожидалъ. (*Убѣгаетъ*).

БАСМАНОВЪ (*кричитъ въ окошко*).

Чего вамъ надо? православные! говорите. Все будетъ вамъ. Не слушайте измѣнниковъ, Бояръ. Они васъ обманываютъ. Чего вамъ надо?

НАРОДЪ (*кричитъ*).

Выдай намъ Самозванца! разстригу! вотъ чего намъ надо.

БАСМАНОВЪ (*рветъ на себѣ волосы*).

Пропало, пропало все. Они ломятся въ двери, рубятъ топорами.

САМОЗВАНЕЦЪ (*вбѣгаетъ*).

Заперты ли всѣ двери?

БАСМАНОВЪ.

Ломаютъ. Нельзя бороться. Спасайся.

ОДИНЪ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ,

(*вбѣгая устремляется на Самозванца*).

Ну, безвременный Царь, проспался ли ты? Что же нейдешь къ народу отдать отчетъ.

БАСМАНОВЪ,

(*не допуская его бьетъ по головѣ*).

Что тебѣ надо разбойникъ? (*Дворянинъ падаетъ мертвый*). Я побѣгу туда, стану усовѣщивать. . . держись.

САМОЗВАНЕЦЪ (*мечется*).

Что мнѣ дѣлать? — моя Марина! — Боже мой! такъ это мой часъ! (*слышенъ вы-*

стрѣлъ, и чрезъ минуту Басмановъ едва держась, входитъ раненый). Другъ мой!

БАСМАНОВЪ.

Прощай, меня ранили насквозь. Нѣмцы еще держатся.

САМОЗВАНЕЦЪ

(бросается обнимать его).

Другъ мой! за меня, за меня ты погибаешь.

БАСМАНОВЪ.

Прощай. *(Умираетъ).*

(Шумъ приближается по комнатамъ).

САМОЗВАНЕЦЪ;

(бѣжитъ къ дверямъ и кричитъ).

Я вамъ не Борисъ!

(Слышенъ ужасный крикъ въ отвѣтъ).

САМОЗВАНЕЦЪ *(возвращается назадъ).*

Нѣтъ спасенья! куда мнѣ дѣваться? *(бросается въ окно).*

(Въ эту минуту толпа врывается въ двери, поражая Нѣмцевъ, сражающихся за всякой шагъ).

Но прежде нежели повелѣніе Государя дошло до Суворова, фельдмаршалъ долженъ былъ сообразоваться съ новымъ планомъ военныхъ дѣйствій, принятымъ Союзными дворами. По этому плану Англійскія и Русскія войска должны были сдѣлать высадку въ Голландію, подъ главнымъ начальствомъ герцога Іоркскаго; Суворову, съ Русскою арміей, поручено отнять у Французовъ Швейцарію; наконецъ, Австрійцы оставались въ Сѣверной Италіи и на Рейнѣ: въ Италіи — для сохраненія завоеваній Суворова, а на Рейнѣ, для содѣйствія союзнымъ силамъ въ Голландіи. Силы союзниковъ на всѣхъ трехъ пунктахъ войны могли простираться до 300,000 человѣкъ,

Франція не могла выставить такихъ многочисленныхъ силъ и спѣшила предупредить союзниковъ; Французскіе генералы умѣли воспользоваться обстоятельствами и быстрымъ образомъ дѣйствій отклонить опасность, по видимому, неизбѣжную. По выступленіи Австрійцевъ изъ Швейцаріи, позиція при Цюрихѣ осталась въ рукахъ Русскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Римскаго-Корсакова; лишь Австрійскій отрядъ генерала Готце былъ оставленъ эрцгерцогомъ Карломъ въ Швейцаріи, на р. Линтѣ, для прикрытія Граубиндена и Форарльберга. Французскій генералъ Массена рѣшился предупредить соединеніе всей Русской арміи въ Швейцаріи, разбить сперва Корсакова и Готце, а потомъ выступить противъ Суворова. Задача Русскаго полководца состояла, напротивъ, въ томъ, чтобы во время соединиться съ ними, тѣмъ

болѣе, что корпусъ генерала Корсакова былъ очевидно не въ силахъ вступить въ борьбу съ Французскою арміею: борьба эта была бы слишкомъ неровная. Суворовъ предположилъ дѣйствовать противъ Французовъ съ трехъ сторонъ: самъ онъ хотѣлъ тѣснить ихъ со стороны Италіи, пробиваясь черезъ С. Готардъ, Корсаковъ и Готце должны дѣйствовать—одинъ на Лиматѣ, другой—на Линтѣ. Съ этою цѣлью онъ выбралъ самый трудный и опасный, но прямой путь—черезъ С. Готардъ, къ Швицу.

Соображая всѣ обстоятельства, Суворовъ увидѣлъ, что изъ двухъ опасностей надо было выбрать ту, которая наименѣе угрожала общему дѣлу. Имѣя всего 20,000 Русскаго войска, онъ не могъ держаться въ Швейцаріи, если непріятель предупредитъ его соединеніе съ Корсаковымъ. Тогда погибнетъ весь планъ союзниковъ относительно Швейцаріи. Но трудные переходы, и сопряженныя съ ними лишенія, потери, отчаянныя столкновенія съ непріятелемъ — Суворовъ умѣлъ выдерживать ихъ, и умѣлъ поддержать въ солдатѣ стойкость, рѣшимость, увѣренность въ успѣхѣ и несокрушимую энергію. Путь, по которому Русскія войска переходили изъ Италіи въ Швейцарію, былъ исполненъ трудностей, которыя можно бы назвать непреодолимыми, если бы они не побѣдили ихъ. Вдумываясь въ обстоятельства этого перехода, невольно изумляешься нравственнымъ силамъ Русскаго солдата и умѣнью главнокомандующаго поддержать въ немъ эти силы, эту бодрость и готовность переносить самыя страш-

ТРЕТІЙ

(бѣжитъ къ нему).

Господи! весь въ крови! съ какой высоты онъ грянулся! (*Старается около него. Самозванецъ открываетъ глаза*). Батюшка ты нашъ! Отдохни! Мы тебя положимъ. Не переломилъ ли себѣ чего?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Здѣсь, ногу. — (*Поводитъ глазами.*) Друзья мои! спасите меня! Я любилъ васъ! Я награжу васъ такъ, что дѣтямъ не прожить. Спасите меня.

ПЕРВЫЙ.

Братцы! бѣгите къ Чертольскимъ воротамъ. Тамъ много нашихъ. — Зовите. Мы не выдадимъ его. (*къ Самозванцу.*) Ободрись. Мы не выдадимъ тебя. Мы благодарны тебѣ за твою хлѣбъ-соль и ласку. Пожалуй — рады умереть за тебя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Благодарствуйте! Друзья мои! За что они поднялись на меня. Сами не знаютъ. Кому я сдѣлалъ зло? Бояре хотятъ себѣ власти. Вотъ все. Растолкуйте имъ это. — Я ли васъ не жаловалъ? — Ой. (*Стонетъ.*) Что сдѣлалось съ моей женой? Ой.

(Стрѣльцевъ набирается очень много).

Гдѣ онъ? Гдѣ нашъ добрый Царь?

ПЕРВЫЙ.

Въ самомъ дѣлѣ, кому онъ сдѣлалъ зло. Нѣтъ, нѣтъ, надѣйся на насъ.

ВСѢ *кричатъ.*

Мы не выдадимъ тебя! Братцы! (*Становятся кругомъ*).

Прибѣгаетъ нѣсколько человѣкъ изъ НАРОДА.

Вотъ онъ гдѣ! Вотъ онъ гдѣ! А! чернокнижникъ! Не ушелъ. (*къ Стрѣльцамъ.*) Что же вы не бьете его. (*Бросаются.*)

СТРѢЛЬЦЫ.

Сунься! Сунься! Вотъ мы васъ. Это нашъ Царь.

НАРОДЪ.

Ахъ вы измѣнники. Что вы затѣяли? — Какъ? защищать его? (*Бросаются на Стрѣльцевъ. Тѣ стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей. Нѣсколько человѣкъ убито. Рукопашный бой.*)

БОЯРЕ (*прибѣгаютъ*).

Что здѣсь? Что здѣсь? — Поляки? — За что вы деретесь?

НАРОДЪ.

Самозванецъ здѣсь, Разстрига здѣсь, а Стрѣльцы не выдаютъ его.

БОЯРЕ.

Братцы! Воины христолюбивые! Что вы вздумали какой грѣхъ брать себѣ на душу? — Это уличенный еретикъ, чернокнижникъ. Куда вы угодите съ нимъ?

СТРѢЛЬЦЫ.

Нѣтъ. это нашъ Царь, нашъ благодѣтель. Мы не выдадимъ его.

Прибѣгаетъ одинъ БОЯРИНЪ, *къ своимъ.*

Управляйтесь скорѣе! Поляки, Нѣмцы идутъ.

БОЯРЕ.

Послушайте. Спросимъ Царицу Мароу всѣ вмѣстѣ.

ВЪ НАРОДѢ.

Пойдемъ въ ихъ слободу, зажжемъ ихъ домы.

СТРѢЛЬЦЫ.

А вотъ это такъ. Пойдемъ спрашивать Царицу Мароу. Если она скажетъ, что это

сынъ ея, такъ мы положимъ за него головы, а если нѣтъ, такъ дѣлайте съ нимъ, что хотите.

БОЯРЕ.

Хорошо — несите жъ его во дворецъ.

(Стрѣльцы несутъ его; многіе изъ народа бросаются на него украдкой, бьютъ его. Стрѣльцы защищаютъ).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ой! ой! ой! —

ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА.

(Чернь тащитъ Полекъ черезъ сцену. Осмольской защищаетъ Марину).

МАРИНА.

Какъ смѣете вы? я благородная Полька.

ЧЕРНЬ.

Вотъ мы дадимъ тебѣ благородство.

(Драка).

БОЯРЕ *(приходятъ).*

Полно, братцы, полно! послѣ! всѣ будутъ въ вашихъ рукахъ. Ступайте лучше искать злодѣя. *(Отнимаютъ у нихъ Марину и прочихъ).*

ЧЕРНЬ.

Нѣтъ, не отдадимъ. Это наша добыча!

БОЯРЕ

(отнявъ, отсылаютъ Марину подъ стражею).

Пожалуйте-ка туда матушка-Царица.

МАРИНА *(уводимая).*

Варвары. — Вы такіе же. — Но будетъ вамъ мститель.

(Многіе изъ черни бѣгутъ за нею и за прочими Польками. Съ другой стороны приносятъ Самозванца блѣднаго и окровавленнаго).

КРИКЪ.

Допрашивайте его.

(Фирстенбергъ, одинъ изъ тѣлохранителей, прорывается къ нему чрезъ толпу и старается закрыть его руками отъ ударовъ).

САМОЗВАНЕЦЪ,

(протягивая къ нему руки).

Благодарствуй. — Ой!

ПОСАДСКОЙ

(*бьетъ его по головѣ топоромъ*).

Этотъ Нѣмецкой песъ какъ уцѣлѣлъ.

Фирстенбергъ со стономъ умираетъ.

СТРѢЛЬЦЫ

(*изнеможенные спрашиваютъ*).

Но скоро ли отвѣтъ Царицы? что же не ведутъ ее сюда?

МНОГІЕ ИЗЪ НАРОДА

(*приступаютъ къ Самозванцу*)

Ну говори, вражій сынъ, кто ты? кто твой отецъ? и откуда ты родомъ?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я Царь вашъ, сынъ Царя Ивана Васильевича! (*бьютъ его*). Выведите меня на лобное мѣсто. Я все скажу.

ПОСАДСКОЙ.

Царь! у меня такой Царь на конюшнѣ.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ (*прибѣгая*).

Царица говоритъ, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, а что этого разстригу она при-

знала только по страху, въ чемъ и винится предъ народомъ.

(Самозванецъ что-то хочетъ говорить, но среди общаго шума слова его не слышны).

ВОЕЙКОВЪ.

Такъ вотъ я благословлю этого Польскаго свистуна. (*Стрѣляетъ въ него. Самозванецъ падаетъ. Князь Голицынъ разсѣкаетъ ему лобъ. Другіе вонзаютъ ему ножи въ грудь, бока*).

ПОСАДСКОЙ.

Бросьте его въ окошко, чтобъ видѣлъ народъ.

(поднимаетъ трупъ).

ДРУГІЕ.

Вотъ и эту сперву съ нимъ. Они жили вмѣстѣ, пусть и мертвые не разлучатся.

(Поднимаютъ трупъ Басманова и несутъ вмѣстѣ къ окну).

Между тѣмъ извнѣ слышенъ **КРИКЪ**.

Винится ли Польской шутъ?

Изъ палаты **ОТВѢЧАЮТЪ**

Повинился. —

Пойдемъ поздравлять Князя Василья Ивановича!

ДРУГІЕ *у окошка.*

Онъ въ Соборъ пошелъ. Что это кричатъ? Тсъ! Дайте разслушать.

Умолкаютъ и слышится **КРИКЪ.**

Многая лѣта Царю нашему Василью Ивановичу! многая лѣта нашему благодѣтелю, Царю Василью Ивановичу.

СТОЯЩІЕ *у окна.*

Слышите? Его Царемъ величаютъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ГОЛИЦЫНЪ И ПРОЧІЕ БОЯРЕ.

Такъ вотъ что?

Какъ? Царемъ? за что! нѣтъ, мы еще посчитаемся (*выходятъ поспѣшно*).

ВЪ НАРОДѢ.

Кого же больше! вѣдь онъ освободилъ насъ отъ сопостата, закричимъ-те и мы:

Многая лѣта Царю нашему, Василью Ивановичу! многая лѣта!

ДРУГІЕ *у окна.*

Вотъ онъ выходитъ изъ Собора.

ВСЕОБЩІЙ КРИКЪ (*внутри и внѣ*).

Многая лѣта благовѣрному Царю нашему, Василью Ивановичу! многая лѣта! (*Бѣгутъ всѣ изъ Палаты*).

2007096492